

ВИКТОРИЯ
ПЛАТОВА

Мария
в поисках
кита

Виктория Евгеньевна Платова
Мария в поисках кита
Серия «Завораживающие
детективы Виктории Платовой»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34791628

Мария в поисках кита / Виктория Платова: Эксмо; Москва; 2019

ISBN 978-5-04-105433-5

Аннотация

Здесь очень ветрено. Очень пыльно. Повсюду – одинокие высохшие пальмы.

И еще много кошек. У них длинные ноги и хвосты.

Это – остров. Почти необитаемый. Его в самый раз использовать как площадку для съемок футуристических ужастиков. Здесь обитает всего два десятка странных людей.

Но писательница, почему-то возомнившая себя великой, выбрала это место, чтобы создать свой лучший роман. Мало того, она хотела бы здесь состариться и умереть. Чего не скажешь про ее литагента (и по совместительству прислугу) Тину. Тина мечтает сбежать с этого гребаного острова, он нагоняет на нее тоску.

Сбежать надо было немедленно. Но Тина об этом не знала. А когда узнала – было уже поздно. И дьявольский сюжет

писательницы стал превращаться в реальность. Или, может быть, наоборот...

Содержание

Пролог	5
Из дневника Тины	25
Конец ознакомительного фрагмента.	171

Виктория Платова

Мария в поисках кита

Пролог

* * *

... – Единственное, что волнует меня, – будет ли конец этим сучкам? – сказал Анхель-Эусебио. – В количественном плане, я имею в виду. Все бы отдал, лишь бы нынешняя оказалась последней.

– А я бы отдал все, лишь бы с ними никогда не случилось то, что случилось. И чтобы ни с кем этого не случилось. Никогда и нигде, – сказал Маноло.

– Х-ха! Тебе и отдавать-то нечего! Держишься на плаву только благодаря мне...

– Я всегда об этом помню, Анхель-Эусебио. Ни на секунду не забываю.

– И правильно делаешь. И не забывай. А про все остальное лучше забыть. В первую голову – про сучек.

– Про ту, которую прибило к нам прошлой зимой, ты тоже говорил «сучка». И что в результате оказалось?

– Что?

– Да ничего. Никто ведь так и не узнал, кто она такая. Кем была на самом деле.

– Вот видишь!.. Это не опровергает мою точку зрения...

– Но и не подтверждает ее.

– Но и не опровергает!.. Всем ведь известно, что женщины либо сучки, либо состоят с тобой в кровном родстве, и это переводит их в разряд святых.

– А в твоём случае – и мучениц. Всем ведь известно, как ты обращаешься с женщинами, Анхель-Эусебио! Двоих своих сестер ты загнобил так, что они сбежали... Одна – в Галисию, а другая – вообще в Португалию.

– Х-ха! Туда им и дорога!

– А твои жены? Они ведь тоже с тобой не ужились. Первая вроде бы в Санта-Поле, нет?

– Плевать мне на нее!

– А вторая?

– На вторую плевать еще больше!..

– Оно конечно, да только до Сан-Хавьера твои плевки не долетят! Нет?

– Не зли меня, Маноло!

– Я и не думал злить тебя, Анхель-Эусебио! Ты мой единственный друг. И ты... Ты добрый. Ты милосердный, вот что я хотел сказать. Ни один человек... ни один мужчина не отнесся бы к ним лучше, чем ты.

– Кого это ты имеешь в виду?

– Сам знаешь.

– А-а... Этих сучек, верно?

– Никто не знает, кем они были. На самом деле.

– Ну вот, опять!.. Опять ты начинаешь глупый разговор.

Ни к чему хорошему он не приведет. Одни мучения, одно расстройство.

– Но разве ты... не хотел бы знать?

– О чем? О том, что с ними случилось? И так ясно: самое худшее, если они оказались здесь.

– Самое худшее, да. Точнее и не скажешь.

– Да уж! Мелкими неприятностями это не назовешь.

– Все верно. Только я думаю вовсе не о худшем. А о лучшем.

– Для них поздновато думать о лучшем, друг мой Маноло.

– Оно конечно... Но если бы все обернулось по-другому... Если бы сейчас была не зима... Лето...

– Уволь меня от проклятого лета, Маноло! Дай покой!

– Нет-нет, я вовсе не про наше лето...

– Как будто ты знаешь какое-нибудь другое лето! Не смеши! Ты ведь никогда отсюда не уезжал. Никуда.

– Неправда! Три года назад я ездил в Мадрид... На целую неделю.

– Что-то не припомню...

– Это потому что тебя тогда не было на острове. Ты был в отлучке, закупал товар... Брелки, магниты, керамическая посуда... Пробная партия в семьсот штук каждого наименования.

– Точно! Мы тогда быстро все распродали, всего-то и осталось после сезона, что с полсотни кружек. Надо же, я и понятия не имел, что ты ездил в Мадрид. И что ты делал в Мадриде?

– Ничего. Просто решил посмотреть – какой он, Мадрид.

– И какой же он, Мадрид?

– Слишком большой, слишком. И сверкает так, что глазам больно. Они... Они ведь тоже могли жить в Мадриде, нет?

– Кого это ты имеешь в виду?

– Сам знаешь кого. Я думаю, что только там... в сверкающем Мадриде... они могли бы жить. Нигде больше.

– Ты вправду такой дурак или просто прикидываешься? На свете куча городов, которые сверкают почище Мадрида. Только вряд ли они жили в Мадриде...

– Где же еще?

– Почему мне знать? Они светлокожие, и глаза у них широко распахнуты, так и норовят вскарабкаться на виски, – ничего общего с испанками.

– Как будто в Мадриде одни лишь испанки! Там много разных женщин, отовсюду... Потому что это – Мадрид. А одна из них... Та, что мы выловили не прошлой зимой, а позапрошлой... Самая красивая из всех...

– Не самая...

– По мне – так самая! Блондинка...

– Положим, блондинкой она не была. Шатенка, так будет вернее.

– Вот и нет, Анхель-Эусебио, вот и нет! Точно тебе говорю, она блондинка! И даже немного похожа на американскую актрису, забыл, как ее зовут...

– Американских актрис полным-полно.

– Мы же вместе смотрели этот фильм, про сумасшедшую писательницу и нож для колки льда!

– Шэрон Стоун, вот как ее зовут. Шэрон Стоун. Память у тебя никудышная, Маноло. И нисколько она не похожа. И она шатенка. Шатенка, а никакая не блондинка.

– Это от того, что волосы у нее были мокрые, когда ты ее нашел. Вот она и показалась тебе шатенкой. А первое впечатление – самое сильное. Втемяшишь себе в голову, что было так, а не иначе, – и никакими силами этого не выбить!..

– Да какая теперь разница, блондинка или шатенка? И что тебе до этого? Что тебе до той чертовой зимы? Она давно прошла, нет ее, нет!.. Ты точно с прибабахом, Маноло! И я – полный идиот...

– Зачем же возводить на себя напраслину, Анхель-Эусебио? Какой же ты идиот? Ты самый умный человек на нашем острове, любой это подтвердит! И бизнес у тебя идет лучше всех. И ты знаешь, что предложить пришлым людям, чтобы они остались довольны.

– Пропади они пропадом, эти пришлые люди!

– Оно конечно... Только что бы мы делали без пришлых людей? На местных надежды никакой – из них лишней копейки не выдавишь. А пришлые легко расстаются с деньга-

ми.

– Х-ха! Про наших сучек такого не скажешь. Даже за вход не заплатили!

– Ну пожалуйста, Анхель-Эусебио, не говори так! Ты всегда был добрым к ним! Всегда был милосердным...

– А еще я был идиотом, раз втравил тебя в эту историю. У тебя и до нее голова не отличалась крепостью, а теперь и вовсе...

– Как же иначе, Анхель-Эусебио? Один бы ты точно не справился, нет? А я твой единственный друг!..

– С чего ты взял?

– С того, что ты мой единственный друг.

– Х-ха! То, что я твой единственный друг, вовсе не подтверждает факта, что ты являешься моим единственным другом.

– Но и не опровергает его!

– М-м-м... Чертов Маноло! Ты совсем меня запутал!.. А самое удивительное, что запутка эта имеет вполне научное название, уж поверь. Я об этом читал.

– Ты всегда читаешь... Это ли не доказательство ума?

– Поверь мне, совсем не это. Но будь я философом, как... Быстро назови мне имя какого-нибудь философа!

– Ну не знаю... Может быть... Может быть – тот парень из фильма, который мы смотрели перед праздником Трех Королей? Помнишь? Тот парень постоянно писал в блокнотах, на доске и просто на бумажках... И ему являлись разные лю-

ди...

– Рассел Кроу! Того парня играл Рассел Кроу, но фило-софом он не был. Он был математиком!

– А есть разница?

– Как между нашими голозадыми соседями и пришлыми людьми с деньгами.

– Это существенная разница, ничего не скажешь! Между блондинкой и шатенкой разница намного меньше, вот ты тогда и принял ее за шатенку. Ту, что была похожа на актрису. Шэрон Стоун, теперь я запомнил.

– Не была она похожа! Не была! Треснуть бы тебя по твоей глупой башке!..

– За что?

– За то, что ты снова заставил меня обсуждать этих сучек! Я не хотел, видит бог. Не хотел, а ты взял и заставил. И как только у тебя это получается?

– Сам не знаю... Просто, когда я думаю о них, я думаю о тебе. Какой ты добрый, хоть и говорят, что вместо сердца у тебя кусок камня, завернутый в протухшую рыбу требу-ху...

– Тьфу, мерзость! Интересно, что за скотина распростра-няет обо мне подобные слухи?

– Не важно.

– Маноло!..

– Наверное, все пошло от твоих жен. Сидят себе в Сан-Хавьере... В Санта-Поле... И плетут небылицы потихоньку.

А ветер их приносит. И течение прибывает...

– Маноло!.. Не мне тебе объяснять, что прибывает к нам течением. Сам знаешь...

– Я просто хотел сказать: это все неправда. Потому что ты...

– Даже не начинай!

– Но мы ведь все равно уже начали!.. Я давно хотел спросить тебя, Анхель-Эусебио: а тебе никто не является? Как тому парню из фильма?..

– Э-э... Никто. Я же не сумасшедший. И не математик.

– Я тоже, Анхель-Эусебио, я тоже... У меня и со счетом-то плохо, вечно концы с концами не сходятся...

– Это точно. В работе ты сущее наказание, друг мой Маноло. Помеха, да и только.

– Она является мне, Анхель-Эусебио. Каждую ночь.

– Не хочу этого слышать...

– Каждую ночь.

– Вот видишь, даже уши закрыл! Ничего не слышу, ничего!..

– Слышишь! Еще как слышишь!.. Я ведь тоже закрывал уши поначалу. И вату в них запихивал, и куски бумаги. И даже воском заливал...

– Нет, ты точно ненормальный.

– Ничего из этого не получилось. Знаешь почему?

– И знать не хочу!

– Потому что уши здесь ни при чем.

– Конечно, ни при чем. Все дело в твоей некрепкой голове. Ты ненормальный, вот она тебе и снится.

– Я ведь не сказал, что она мне снится. Она – является, а это совсем разные вещи. Совсем.

– Хорошо. Пусть разные. И какой... Тьфу ты черт! Зараза!.. Какой она тебе является?

– Почти такой, какой мы ее нашли. Только она живая. Как ты, как я... Как если бы я встретил ее в Мадриде, на солнечной стороне улицы. Или на той стороне улицы, где всегда горят огни и полно народу. И она бы мне улыбнулась. Или не мне, но дела это не меняет.

– Вот ужас-то!..

– Это совсем не страшно, поверь. Грустно – да, хоть она и улыбается. И сердце щемит. Но не страшно. Поначалу я, конечно, боялся. А потом ничего, привык...

– И что... вы делаете, когда она является тебе?

– Разговариваем. Вернее, она разговаривает.

– С тобой?

– Может, со мной. А может, и нет, но дела это не меняет.

– О чем же она говорит? О чем-то важном?

– Не смотри на меня так, Анхель-Эусебио! Я знаю, к чему ты клонишь! К тем фильмам, где мертвые просят помощи у живых... Не дают им существовать спокойно. Втягивают в неприятности.

– Вовсе нет!.. Неприятностей я не хочу, у нас и так их было предостаточно.

– Три. Ровно три неприятности. По одной на каждую зиму.

– А она что... Просит у тебя помощи?

– Она улыбается. Почти всегда улыбается.

– Как есть ужас!..

– Ужас в том, что я не могу понять, что она говорит мне.

Ни единого словечка...

– Она говорит на каком-то другом языке? Не испанском?

– Не испанском, нет.

– А других ты не знаешь! Сколько раз тыкал тебя носом – выучи хоть пару фраз по-английски, толку никакого!.. По-английски худо-бедно лопочут все.

– Это не имеет отношения к английскому, Анхель-Эусебио! И ни к одному из языков, на которых говорят люди.

– Откуда ты можешь знать?

– Просто знаю, и все. Если бы ты слышал ее...

– Как же я ее услышу? Ведь является она тебе!

– Да. Это проблема.

– Х-ха! Такие проблемы решаются в пять минут. Могу дать отличное снотворное... Осталось от той гадины, что сбежала от меня в Санта-Полу...

– Я не уверен...

– Срок годности снотворного еще не вышел, так что ничего страшного не случится. И переживать не стоит. Придет к тебе эта сучка разок-другой, а ты – вот он! Спишь, как младенец, и никакими мольбами на непонятном языке тебя не

разбудить. На третий раз сама отвянет, помяни мое слово!

– Я не уверен, что хочу решить эту проблему... таким способом.

– Другого нет. За исключением психушки. Ты же готовый пациент, если посмотреть на дело здраво. Нужна тебе психушка?..

– Она говорит, как говорят киты... Или как дельфины. Звук резкий, очень высокий. Похожий на свист. На щелканье. И еще на то, как будто по каменному полу разбросали орехи. А иногда, вместо орехов, в ход идут стеклянные бусины... А иногда звук похож на спицу, которую втыкают прямо в ухо...

– Н-да... Пожалуй, психушки тут не избежать.

– Ты мой единственный друг, Анхель-Эусебио! И ты сам... сам все начал. Ты мог поступить совсем по-другому.

– Наверное. Но что бы тогда случилось с нашим тихим островом? Со всеми нами?.. А-а, что теперь говорить? Что сделано, то сделано.

– Ты сам все начал.

– Не было дня, чтобы я не раскаивался в этом. Поверь.

– Я не осуждаю... Что сделано, то сделано. Но спица в ухе – очень неудобная вещь. Когда-нибудь она меня убьет.

– Нет никакой спицы, Маноло! А если и есть – то только в твоём воображении. Как сучка, что является тебе. На самом деле она мертвая. Три года, как мертвая. Мы же вместе похоронили ее, вспомни! И двух других тоже. И они были

ничуть не хуже первой. Но почему-то до сих пор молчат и не являются тебе. Ведь молчат? Хотя поводов заговорить у них было не меньше. Они молчат или нет?

– Молчат.

– Это ли не подтверждает, что все происходит в твоей голове? Пустой, как орехи, которые ты тут живописал.

– Я не говорил, что орехи были пустыми.

– Пустые, полные... Никакой разницы нет, как между теми тремя сучками.

– Есть.

– Нет.

– Есть!

– И в чем же, в чем же разница?

– Она самая красивая из всех... И она единственная, кто улыбнулся мне в Мадриде. На солнечной стороне улицы.

– Кажется, речь шла о той стороне улицы, где всегда горят огни и полно народу... Стоп-стоп! Ты видел ее в Мадриде, глупый мой Маноло? Вы были знакомы? Что ж ты сразу не сказал?!

– Я не говорил, что мы были знакомы. Я говорил – сложись обстоятельства по-другому...

– Совсем меня запутал, придурок!

– Сложись обстоятельства по-другому – она могла бы меня полюбить? У меня был бы шанс?

– Она мертвая!

– Да-да... Но у меня был бы шанс?

– Хочешь знать мое мнение? Никакого шанса у тебя не было. Посмотри на себя. Ты же сельский дурачок. Ты в жизни ни одной книжки не прочел! И со счетом у тебя плохо. Ни к чему ты толком не приспособлен, и руки у тебя не оттуда растут, а уж о голове я вообще молчу. Если бы не моя доброта – ты бы давно подох от голода. Вот и прикинь – чему равняется твой шанс.

– Хорошо, что она так не думает.

– Проклятье! Она не может думать, она мертвая!

– Да-да... Только слова твои ничего не значат, Анхель-Эу-себио. Хоть ты и мой единственный друг. Потому что она в конце концов выбрала меня.

– Она мертвая!

– Не имеет значения. Она выбрала меня – потому и приходит.

– Х-ха! И тычет спицей тебе в ухо!..

– Мне нужен человек, которого ты звал Морайя¹.

– Кого это я звал Морайя?

– Он снимал комнату у старухи Ма́йтэ в прошлом году. В начале марта, вспомни. Приехал сюда с кучей оборудования...

– А-а!.. Сраный шведишка! Так бы и говорил – мне нужен сраный шведишка с проплешинами на темени и кадыком с арбуз размером!.. Стихийное бедствие – вот что нас постигло с его прибытием. Разве нет?

¹ Мелкая рыбешка (исп.).

– Наука – всегда стихийное бедствие.

– Как ты прав, друг мой Маноло, как ты прав!.. Неизвестно, что случилось бы с нашим островом, если бы мы его не выпроводили тогда. Конечно, мы были не очень почтительны...

– Почтительны! Да мы выгнали его взашей!

– Ты предпочел, чтобы он остался? Чтобы продолжал все тут вынюхивать, высматривать, совать нос куда не следует...

– Он ученый, а ученые всегда суют нос куда не следует.

– А если бы он узнал?.. Если бы его дурацкие приборы...

– Вообще-то приборы не были такими уж дурацкими.

– Как будто ты в этом разбираешься! Не смей меня, Маноло.

– Он кое-что рассказывал про эти приборы. Особенно много про один, самый главный. Забыл, как он называется...

– Вот-вот! Из твоей башки все утекает, как из худого ведра!

– Пусть. Мне нужен Морайя. И его прибор. Он может точно определить местоположение кита и узнать, чего хочет кит. Так говорил Морайя. Или примерно так.

– Твой Морайя такой же недоделанный, как и ты. Китов у нас отродясь не бывало.

– Раньше не бывало. Но происходят... как это? Глобальные тектонические подвижки. Течения меняются... Тебе ли не знать про течения, Анхель-Эусебио?

– Да. У меня на них чуйка! Или внутренний локатор, вы-

ражаясь научным языком. Так уж я устроен, что распознаю их без всяких приборов...

– Вот и Морайя говорил, что ты – самый настоящий феномен.

– ...и то, что они меняются, для меня не секрет. Загвоздка в том, что ведут они себя по-подлому, выносят на поверхность всякую хреновину Ну что бы им не повернуть тогда к Сан-Хавьеру? К Санта-Поле? Пусть бы и разбирались там с тремя сучками...

– Морайя был о тебе высокого мнения. Чрезвычайно высокого.

– Не иначе как умаслить меня хочешь, друг мой Маноло? Чтобы я изменил свое мнение о сраном шведишке...

– Я вовсе не прошу тебя изменить мнение о нем. Просто говорю: он нужен мне. Он и его прибор. Иначе никак не понять, что хочет сказать девушка. Которая выбрала меня. Тебе, наверное, неприятно все это слышать...

– Да я просто в бешенстве!

– А его адрес у тебя не сохранился?

– Не сохранился. К чему мне его адрес?

– Он давал его тебе, я знаю. Вырвал лист из ежедневника и написал адрес на нем. И выразился в том смысле, что если случится что-нибудь интересное...

– У нас вот уже три года случается что-нибудь интересное. Каждую зиму. Только знать об этом какому-то сраному шведишке вовсе не обязательно. И никому не обязательно.

Это тайна, будь она неладна! Наша с тобой тайна. Я уже язык сбил, втолковывая тебе про нее. Но ты, я смотрю, не хочешь униматься.

– Дело не во мне, Анхель-Эусебио! Ты мой единственный друг, и я всегда был за тебя. И хранил тайну.

– А теперь? Ты больше не собираешься хранить тайну?

– Нет-нет, что ты! От меня не то что человек, кошка ничего не узнает!

– Тогда какого черта всплыл этот засранец Морайя?!

– Он дал тебе адрес...

– Я им давно задницу подтер, адресом! Сказано тебе – нету его, нету!

– Есть.

– Заткнись! По-хорошему тебя прошу, Маноло!..

– Успокойся, пожалуйста, успокойся! Если уж на то пошло – не одному тебе он оставил листок из ежедневника...

– Вот как? Кому же еще?

– Мне.

– Ах, ты... Сукин ты сын, Маноло!.. Ты еще худший засранец, чем плешивый Морайя! Убить тебя мало, сукина сына! Еще и комедию ломал...

– Успокойся, пожалуйста, успокойся!

– Хорошо. Я успокоился. Видишь – успокоился. Держу себя в руках. Ты... ты написал ему?

– В общем – да.

– И что же ты написал?

– Ничего особенного. Ничего о мертвых девушках, если это тебя интересует. Ни слова о нашей тайне. Маноло совсем не такой дурак, каким его хотят представить.

– Я и не говорил, что ты дурак.

– Говорил. Говорил, что голова у меня некрепкая, что она – как худое ведро... А я всего лишь сообщил, что у нас появилось кое-что интересное. Появились киты. И что киты эти поют совершенно особенные песни... Это ведь не очень далеко от истины?

– Совсем недалеко, друг мой Маноло. Если ты именно так видишь истину.

– Слышу. Я только слышу ее, Анхель-Эусебио. Но не могу понять. Потому-то мне и нужен Морайя. Морайя и его чудесный прибор. Прости, что не сказал тебе раньше.

– Я не сержусь. Если бы мне самому приспичило послать весточку шведскому чудиле, вряд ли я сочинил бы лучше.

– Ты вправду так думаешь?

– Конечно. При условии, что ты написал не про сучек, а про китов. Про их песни. Но если ты слил информацию о том, что произошло на самом деле... То должен понимать – огребем мы за нашу самодеятельность по полной. Сгнием в тюряге, как какие-нибудь убийцы.

– Мы не убийцы!

– Никто и разбираться не станет.

– В том письме было только про китов и их песни, Анхель-Эусебио. Только про них! Клянусь тебе! У меня и чер-

новик остался. Хочешь посмотреть?

– Это лишнее.

– Так ты не сердишься?

– Нет. А ответ от шведа уже пришел?

– Неделю назад.

– И ты молчал?!

– Я боялся... что ты будешь сердиться.

– Да не сержусь я, не сержусь! Ты же видишь. Чего он там накорябал?

– Что приедет в середине января... Числа пятнадцатого-шестнадцатого...

– Погоди-ка... Сегодня ведь уже девятое! Выходит, через неделю он будет здесь.

– Выходит, так.

– А ты уже придумал, что надуешь ему в уши?

– Нет... Не знаю, с какой стороны и подступиться, чтобы не потревожить тайну. Может, посоветуешь, как быть? Ты ведь самый умный на острове, Анхель-Эусебио. Самый-самый умный...

– Дешевые приемчики, друг мой Маноло!.. Что ж ты не спросил у меня совета, когда отправлял письмо Морайе? Ладно... Что сделано, то сделано. А теперь еще раз уточним ситуацию, хотя она и дурацкая. Тебе частенько является сучк... Самая первая девушка, которую мы нашли. Все верно?

– Да.

– Как она выглядит?

– Как если бы я встретил ее в Мадриде, на солнечной стороне улицы...

– ...и она улыбнулась бы тебе. Весь этот бред я уже слышал. Она похожа на привидение?

– Я ведь уже говорил... Она – как ты. Как я. Как старуха Майтэ, когда та обсчитывает пришлых людей.

– Да-а... Ничего реальнее и придумать невозможно. Она пытается вызвать тебя на общение, так? Что-то рассказать тебе? Все верно?

– Да.

– Но звуки, которые она издает, тебе непонятны.

– Они высокие. Очень резкие. Похожие на свист. На щелканье...

– Про спицу в ухе я тоже помню.

– Ее нужно вытащить, Анхель-Эусебио! Иначе мне несдобровать!

– Успокойся, успокойся!.. Мы обязательно что-нибудь сообразим. Только откуда ты взял, что так говорят именно киты?

– Морайя давал мне послушать китов. У него куча записей. И они очень, очень похожи...

– Но не факт, что это – то же самое. Идентичное, выражаясь научным языком.

– Прибор!.. Его чудесный прибор установит точно.

– А если сучк... Если та девушка... Не пойми меня пре-

вратно, Маноло... Если та девушка лишь в твоей голове?

– Тогда пусть он влезет ко мне в голову! Пусть! Пусть!.. Ты придумал, как сделать правильно, Анхель-Эусебио? Как не потревожить тайну?

– Мне нужно немного времени, друг мой Маноло. Немного времени – и все устроится самым лучшим образом. Обещаю тебе...

Из дневника Тины

* * *

Файл «Melancholisch Schund»:

«7 января.

Получено 13 писем. Из них 5 – от фанатов творчества, 4 – от городских сумасшедших с историей о собственной никчемной жизни, которая почему-то кажется им историей:

- Диллинджера;
- Маты Хари;
- Трумэна Капоте (не вошедшую в санкционированные истеблишментом монографии);
- Бонни и Клайда а-ля рюс (ни одна из частей тандема не существует в действительности).

Примечание: *Пора установить для городских сумасшедших черту оседлости! Как вариант – загнать их в гетто. Как вариант – погрузить на рефрижератор и отправить в USA. Уж там-то они наверняка обнаружат братьев по разуму! Сто пудов!*

Письмо от европейского агента. Предлагает издаться в

недружественной Польше и карликовой Эстонии. Стартовая цена покупки прав на каждую книгу – 700 евро. Мдя... Глобальный кризис – это понятно, все сейчас последние резинки из трусов вынимают. Но не до такой же степени! Сказать ВПЗР о непристойном предложении или повременить? Дождаться отчетов из Germany, там наверняка накапало больше, чем 700 евро... Пожалуй, повременю. Армагеддона что-то не хочется.

Примечание: *Может, они просто забыли ноль приписать?*

Письмо от крейзанутого типа GALO-13. Предлагает ВПЗР встретиться и выпить масалы. В прошлый раз была текила. В позапрошлый – ром «Белая лошадь». До этого – джин с тоником, просто джин, просто тоник (но в экзотической стране на манер Cambodia). А до этого был виски и даже без содовой! О еде не упоминалось ни разу. Следует ли из вышеизложенного (минус тоник и масала), что GALO-13 алконавт? Также не совсем ясно, мужчина это или женщина. Если судить по широте и многовариантности алкогольного спектра – мужчина. Если взять во внимание тупую настойчивость, склонность к сложноподчиненным предложениям и общий тон писулек – женщина с неустроенной судьбой и проблемами сексуального характера.

Примечание: *Вряд ли ВПЗР их решит.*

По мелочи:

1 письмо от издателей по поводу перепродажи пакета,

1 приглашение к сотрудничеству от журнала «Отчаянные домохозяйки» (хи-хи-хи), 1 подтверждение бронирования билетов на 9 января.

Примечание: *Мы все-таки летим на этот гребаный остров.*

То, что удалось выудить в инете:

«Талего (Talego – исп.) – остров в Средиземном море, в 25 морских милях от побережья Коста-Бланки. 2,2 км в длину, от 500 до 975 м в поперечнике. Бывший военный форт.

Достопримечательности: собор Св. Франциска (годы постройки: 1698–1701, находится на реставрации), музей средиземноморской фауны (филиал валенсийского океанариума), маяк «Сага al mar» (год постройки: 1697), пещеры Ревеласьон.

Население: 21 человек.

Климат: морской. Средняя температура января: 8 °С, средняя температура июля: 33 °С. Постоянные ветра.

Растительность: на северо-западной оконечности острова, в районе пещер Ревеласьон, преобладают низкорослые вечнозеленые кустарники (гарига), юго-восточная представляет собой каменистую пустошь.

Рельеф: остров изобилует маленькими труднодоступными бухтами, береговая линия сильно изрезана, лишь в центральной части имеется небольшая лагуна для швартовки

прогулочных катеров и яхт.

Комменты интернет-пользователей относительно этого восьмого чуда света (с сохранением морфологии и орфографии):

остров – полный ппц!

жОпА!!!

жопее не придумаешь!

мьерда

Аццкое место!

Ужос нах!!!!!!!!!!

Лажя!

Чур меня, чур! Езжайте лучшие на Табарку!

Во-во! И вся сувенирка – китайская! А пещеры на Табарке лучшие.

ОДНОЗНАЧНО! Там даже спелеоцентр есть...

Как будто где-то в другом месте – не китайская! Везде все китайское, и сами мы – китайцы. А по существу – присоединяюсь к предыдущим ораторам. Музей не работает, к собору не подойти (типо реставрация, но ни одним рабочим скотом не пахнет в радиусе километра), ветер такой, что мозг выносит, не говоря уже об испорченном подчистую хайре. Пляж – профанация, сплошные камни, порезала ногу – три недели заживало. В отстой!

А МНЕ ПОНРАВИЛОСЬ. МНОГО КОШЕК У НИХ ДЛИННЫЕ НОГИ И ХВОСТЫ.

Езжайте лучше на Ибицу! Много баб. У них длинные ноги. А хвосты?

Хвосты замечены не были. Возможно, сбрасывают при близком контакте (или в случае приближения опасности).

Жаль...

То, что удалось сохранить в памяти после спонтанного летнего визита на Талего:

Очень жарко. Очень ветрено. Очень пыльно. В единственном кафе подсунули шампанское под видом демократичной тинто-де-вераны и содрали 25 евро за недопитый кувшин. ВПЗР впала в свое обычное состояние неконтролируемой ярости и устроила хипеж, упирая на то, что негоже разводить популярных, пусть и русских, писателей: это может вылезти боком принимающей стороне. Переводить ее высказывания дословно не было никакой возможности по причине их забубенного ненорматива.

Примечание: *Расстаться с баблосом пришлось все равно. А 25 евро впоследствии вычли из моей зарплаты, т. к. я знаю испанский, а ВПЗР – нет. Следовательно, виновата я, «ленивая овца», коя не удосужилась проиштудировать словарь диалектов, идиом, аргю, общепринятых разговорных выражений etc., ограничившись «поверхностным изучением, мать его, кастильяно, кому он на хрен нужен!!».*

«CAVA» – и есть шампанское в варианте espanol, запомнила на веки вечные.

Много кошек – это чистая правда. Как и то, что у них невероятно длинные ноги. Много бессмысленных чаек. Ни кошки, ни чайки никогда не относились к моим любимым домашним животным. Но кошки почему-то умилили ВПЗР. Впрочем, умиляется ВПЗР много и довольно часто, приступы умиления чередуются с вышеупомянутыми приступами неконтролируемой ярости с завидным постоянством. И в одном и том же ритме. Румба? Самба? Пасадобль?.. В любом случае в этом есть что-то отработанное почти до автоматизма, как если бы ВПЗР многие годы напропалую занималась бальными танцами.

Примечание: *ВПЗР никогда не занималась бальными танцами.*

Еще о Талего:

Сведения о том, что на острове проживает два десятка человек, кажутся мне не совсем верными. Одних домов я насчитала не меньше тридцати: по пятнадцать с каждой стороны единственной улицы. Номера на них отсутствуют, но каждое из строений как-то да называется – «дом с олеандром», «дом морского конька», «дом глупыша Диего», «дом, построенный на месте гибели доблестного Мартинеса, капитана», «дом, построенный на месте, где зацвел мирт» и даже «дом, где никогда не жили кошки». Слишком поэтично, чтобы быть правдой. Скорее всего, вся эта клюква (олеандр, мирт) придумана для привлечения туристов.

Могила «доблестного Мартинеса, капитана» тоже не существует – вообще, здесь нет кладбища, что странно: ведь двадцати одному нынешнему обитателю Талого предшествовали другие обитатели, говорят даже, что в иные времена население острова доходило до полутора сотен вместе с гарнизоном форта. Наверняка они умирали, как умирают все, за исключением ВПЗР – она-то собралась жить вечно! В частных разговорах ВПЗР постоянно муссирует тему о ста сорока четырех тысячах избранных, которые (единственные из всех) уцелеют после конца света, назначенного на декабрь 2012. Они же – бессмертные, они же – Горцы, они же – Интервью с Вампиром. В списках избранных ВПЗР проходит под номером 9 – сразу после исполнительницы блюзов Джоан Армат – рейдинг и непосредственно перед исполнительницей прифанкованных баллад Рейчел Ямагатой. То есть ВПЗР думает, что баллады у Рейчел Ямагаты – прифанкованные, ей просто нравится слово «фанк». Примерно в той же степени, что и «госпел» со «спиричуэллом», а также «фьюжн» и «эмбиент». Слова – единственное, перед чем ВПЗР не может устоять. Втрескавшись в какое-нибудь слово по самые помидоры, ВПЗР начинает внедрять его в сознание окружающих с пылом и страстью тирана, заправляющего мелкотравчатым островным государством. А поскольку «окружающими» являюсь я, в основном – я и только я, мне и приходится жить в постоянном напряжении. Так, декада «госпела» ознаменовалась абсурдистскими словосочета-

ниями: «ну и на хрена мне этот госпел, скажи на милость?», или: «тащи-ка сюда этот хренов госпел», или: «так и передай этим припадочным госпелам: на их вшивую передачку я не приду». При этом «госпел» в трактовке ВПЗР может означать все, что угодно: проблему (как имеющую решение, так и не имеющую его в принципе), предмет обихода, предмет нематериальных вожделений или просто группу товарищей с телевидения. Попробуй, догадайся, что имеет в виду ВПЗР, щебеча на своем птичьем языке (мне удастся, хотя на общем уровне зарплаты это отражается мало). Лишь однажды «госпел» был употреблен в своем прямом значении: когда ВПЗР заявила, что в ранней юности распевала госпелы в передвижной евангелистской церкви, основанной на острове Шпицберген неким афроамериканцем, выходцем из штата Луизиана. Кроме того, в еще более ранней юности ВПЗР ездила автостопом, свободно говорила на хинди, была рукоположена на творчество самим Федерико Феллини, втайне от Дольче встречалась с Габбаной и наоборот, трижды пыталась покончить с собой из-за несчастной любви (один раз ей это все-таки удалось, но Всевышний – по ходатайству чрезвычайно популярного в небесных сферах писателя Дж. Фенимора Купера – вернул ее обратно). С тех пор, по утверждению ВПЗР, она никогда больше не влюблялась, но успела два раза выйти замуж и разойтись, съездить в Сенегал за тканью для платьев, съездить в Пакистан покурить дури, стать персоной нон-грата в Непале и потерять всепогодный

амулет, подаренный ей прямым потомком Никколо Макиавелли. Амулет оплакивается до сих пор.

Примечание: *ВПЗР – знатная мистификаторша. А Рейчел Ямагата – никакой не фанк. Может быть (и то местами) – соул, а скорее всего, поп-рок...*

Относительно кладбища (если уж мы затронули эту жизнеутверждающую тему): кошки, ветер, брошенный на произвол судьбы собор и филиал валенсийского океанариума, заколоченный досками, произвели такое впечатление на ВПЗР, что она с порога в зубы заявила: «Здесь... именно здесь я бы хотела состариться и умереть». Как это соотносится с теорией ста сорока четырех тысяч бессмертных и номером 9 в списке – неясно. С другой стороны, за пять лет моего Великого (хи-хи-хи) Служения (хи-хи-хи) Таланту (у-упс!) я насчитала десяток мест, где ВПЗР хотела бы состариться и умереть, включая Тоскану, голландский Гронинген и поселение Краснофарфорный в Новгородской области. Обычно пребывание в этих благословенных местах ограничивается часами, реже – сутками. Варианты «проездом», «пролетом», «Опять мы прощелкали поворот, где только были твои глаза?» и «Что это там написано на указателе? М-мм... занятно... Завернем!» также приветствуются. Это поначалу я пугалась географических выхлопов, а потом ничего, привыкла. ВПЗР никогда и никуда не возвращается.

Примечание: *Даже странно, что в случае с Талого обыч-*

ная схема не сработала. И мы все-таки летим на этот гробаный остров.

Не совсем летим, конечно. Летим мы до Мадрида. Затем едем на поезде до Аликанте. Затем – во взятом напрокат лимузине – движемся по направлению к Санта-Поле. Там берем лодку (пardon – круизный лайнер со стрип-баром, кегельбаном, караоке, местом за капитанским столиком и все той же Джоан Арматрейдинг в качестве приглашенной звезды, на меньшее ВПЗР не согласна). И уже на лайнере торжественно вплываем в объятия Талего. Я бы, конечно, предпочла более цивилизованный материковый Толедо, но разве здесь кого-то интересует мое мнение? В данном контексте от меня требуется лишь то, что требовалось всегда: забронировать отель в Мадриде (для подстраховки), забронировать отель в Санта-Поле (для подстраховки), решить проблемы с coche² и плавсредством: «Чтобы не было никаких подстав, ты же знаешь, я терпеть их не могу!» Знаю, знаю... И этот человек в ранней молодости передвигался исключительно автостопом и (по собственному утверждению) ходил босиком с апреля по октябрь!.. Почему я терплю все это? Занимаюсь тем, чем занимались бы сразу четыре человека, причем за отдельную и совсем немаленькую плату: секретарь, личный шофер, домработница и психоаналитик. А ведь я – всего лишь литературный агент, и вытирать сопли ВПЗР, нян-

² Автомобиль (исп.).

читься с ней, как с ребенком, вовсе не входит в мои обязанности. Как произошло, что чертова ВПЗР убедила меня:

ВХОДИТ, ДОРОГУША, ЕЩЕ КАК ВХОДИТ!

Она обвела меня вокруг пальца, вот оно что. Обводить вокруг пальца – ее любимое занятие. У нее не меньше сотни масок, под которыми скрывается еще тысяча масок, как же иначе; ведь жизнь ВПЗР – сплошной карнавал!

«Был карнавал, и я нарядилась Джеймсом Джойсом». «Был карнавал, и я нарядилась доктором Лектором». «Был карнавал, и я нарядилась Святым Антонием».

Так и есть, ВПЗР – отшельница, несмотря на навязшие на зубах мантры о бурной юности. Выражаясь еще точнее – она конченная социопатка.

«Был карнавал, и я нарядилась нейтронной бомбой» – тоже про нее. Хлоп-хлоп, бах-бах! – вот и нет людей. Ни в каком виде. Отсутствие людей моментально избавляет ВПЗР от множества госпелов (они же – проблемы): общаться с теми, с кем не хочется, шутить на заданные темы, бывать на презентациях, светиться на промоакциях, выдавливать из себя многомудрые суждения в ток-шоу; употреблять английское выражение «по comments», когда досужие журналисты расспрашивают о личной жизни (акцент у ВПЗР чудовищный); не употреблять вполне себе русское выражение «пошли все нах!» (это единственное простецкое сочетание букв, которое доставляет ВПЗР удовольствие, граничащее с экстазом). Нейтронная бомба очистит мир (который, собственно,

и есть сама ВПЗР – кто бы сомневался!) от жилконтор, паспортных столов, визовых центров, очередей, пробок на дорогах, зомбирующих федеральных телеканалов и убогих кабельных; плохого кино (все хорошее уже снято), плохой музыки (вся хорошая уже написана) и прочее, прочее, – список ненавистных ВПЗР вещей можно длить бесконечно.

Собственно, все может решиться уже в 2012 году – и без всякой там нейтронной бомбы, но поладит ли она с оставшимися ста сорока тысячами избранных?

Большой вопрос.

Еще бóльший вопрос – каким образом, в отсутствие прогрессивного и не очень человечества, ВПЗР будет удовлетворять свое тщеславие и непомерную гордыню. Ведь люди, что бы она про них ни говорила, читают ее книги. А не будет людей – для кого вообще писать? От архитектурных ансамблей слова доброго не дождешься. От пустынных ландшафтов – и подавно. Нефтехранилища и стадионы не оценят стилистических изысков, сколько ни бейся. Терминалы в заброшенных аэропортах останутся глухи к сюжетным поворотам, сколько ни взывай. Станции метро... впрочем, ВПЗР не ездит в метро. «Лучше уж отмучиться в пробке, чем сойти в этот ад», – обычно говорит она. Кстати, стоять с ней в пробках и есть самый настоящий ад. ВПЗР начинает истерить, даже если количество машин перед нами не превышает четырех, – что уж говорить о цепочке подлиннее? При малейшей задержке движения ВПЗР скрежещет зубами, бьется о

приборную панель головой (что страшно некрасиво) и норовит лягнуть меня локтем (что больно). Она проклинает «эту сучью страну» с этим сучьим городом и сучьим же движением в нем (как будто в других, не-сучьих странах дела обстоят оптимистичнее), норовит выскочить из машины и начистить кокарду ближайшему гаишнику. (А если гаишников, на их фарт, рядом не оказывается – тычет через стекло «факи» друзьям по пробочному несчастью.) Как нас до сих пор не вытащили из машины и не проломили черепа бейсбольными битами – удивляюсь. Взывать к здравому смыслу ВПЗР бесполезно, по причине его полного отсутствия. Да еще сама же и окажешься виновата: выбрала не ту дорогу, вывезла царственную особу, не удосужившись узнать о наличии пробок в Интернете, не уточнила маршрут. А не для того она презентовала мне дорожную тачку, чтобы терпеть унижения и неудобства!

«Презентовала мне» – смех, да и только! На этой тачке мы передвигаемся исключительно по ее делам. Которых было бы сделано не в пример больше, если бы я, «ленивая овца», относилась к своим обязанностям с должным – соответствующим уровню зарплаты и агентских отчислений – рвением.

Иногда, когда ВПЗР особенно бесчинствует, я тоже позволяю себе сорваться. Вот и случаются диалоги следующего содержания:

Я: Купите себе вертолет, и все проблемы с транспортом отпадут сами собой.

ВПЗР: Давно бы купила, если бы не тратила такую прорву денег на твои сомнительные услуги!

(О-о, эта простодушная вэпэээровская склонность к квази-мега-гиперболам!!!)

Я: О какой это прорве идет речь? Не смешите! А если вам что-то не нравится, что ж... Попробуйте отыскать другую такую дуру, как я...

ВПЗР: Другой такой не найти...

Последняя фраза, сказанная с максимальным цинизмом, на который только способна ВПЗР, носит характер диагноза:

И ВПРАВДУ НЕ НАЙТИ!

Ни одно существо, будь то человек, животное или растение, не в состоянии ужиться с ВПЗР. Вянет, хиреет и распадается на атомы все, к чему она имела неосторожность прикоснуться. Так почему я все еще с ней, с этой етервятницей, мизантропкой, аморальным и беспринципным френком, крэйзанутой теткой, страдающей манией величия?

К тому же (тиснуть бы этот зубодробительный материалец в желтую прессу!) она еще и воровка! Тащится все, что представляет для нее хоть малейший интерес, – книги из книжных, посуда из ресторанов, антикварная мелочь с блошиных рынков, приятные на глаз и ошупь аксессуары из бутиков. Быть пойманной за руку ВПЗР нисколько не боится.

Я (обмирая от страха при каждой ее выходке): А если вас застукают?

ВПЗР (скаля зубы при каждой своей выходке): Не засту-

кают!

Я (страстно желая, чтобы мое пророчество сбылось): Когда-нибудь да застукают. Застукают-застукают! Вот увидите.

ВПЗР (имея мои пророчества глубоко, ритмично и в извращенной форме): Да и наплевать.

Я: Но...

ВПЗР: Скажу, что это ты вещички помыла.

Я: Но...

ВПЗР: Кому поверят? Мне – популярнейшей писательнице, переведенной на основные европейские языки, члену Пен-клуба, лауреату Пулитцеровской премии, почетной гражданке города Рейкьявик, номинантке на премию принца Астурийского и букеровской номинантке? И это, заметь, не сраный русский Букер, а самый настоящий британский!

Я: Не забудьте упомянуть о приглашении прочесть курс лекций в Принстонском университете...

ВПЗР: А-а... Совсем забыла про этот геморрой! Как думаешь, согласишься или забить на псевдопреподавательскую деятельность?

Я: Имеет смысл согласиться. Америка все-таки. Америка расширит ваши горизонты...

ВПЗР (горизонты которой, видимо, и без того расширены до последнего предела): Пожалуй, так я и поступлю. Забью к чертовой матери. А ты уж будь добренькой, сочини отказ посимпатичнее... Не скупись на сожаления относительно-

но невозможности сотрудничества. Ну, не мне тебя учить. А что касается помытых вещей... Кому все же поверят – мне или тебе?

Я (обмирая от страха – теперь уже совершенно абстрактно, без всяких привязок к ситуации): Неужели вы в состоянии обвинить ни в чем не повинного человека?

ВПЗР (скаля зубы – теперь уже совершенно абстрактно, без всяких привязок к ситуации): Даже не сомневайся.

Я: А как насчет того, что гений и злодейство несовместимы?

ВПЗР: У тебя устаревшие сведения! Периода английского сентиментализма, никак не позже. Гений и злодейство отлично ладят. Это самая устойчивая супружеская пара после попугаев-неразлучников.

Я: Вы будете гореть в аду.

ВПЗР: Не самая удручающая перспектива. Учитывая то количество безбожников-интеллектуалов, которые там загорают. Найдется с кем в покерок перекинуться...

ПОКЕР

Одна из немногих вещей, способная высечь у ВПЗР искру неподдельной эмоции. Ее мозг, обычно пребывающий в состоянии первобытного хаоса, неожиданным образом структурируется, с легкостью просчитывая все возможные и невозможные комбинации. Но и в этой, почти совершенной математической структуре находится место вполне се-

бе нейролингвистическим, подлым вещам. ВПЗР блефует (самым низменным, непотребным образом), передергивает карты, а иногда так и просто откровенно жульничает. Личные оскорбления тоже не редкость, особенно если ВПЗР не везет с раскладом. И всякий раз она пребывает в святой уверенности, что ей выпадет «ройял флеш».

Примечание: *По жизни она тоже ожидает «ройял флеша» – каждый день своего существования, каждую минуту.*

«Разве я не стою большего?» – ВПЗР обожает задавать мне этот риторический вопрос. Другие риторические вопросы выглядят примерно так:

«Разве мои тексты хуже, чем у...» (Обычно берется самая что ни на есть абсолютная литературная величина.)

«Неужели надо сдохнуть, чтобы тебя классифицировали как большого и серьезного писателя? О-о, тупые скоты, твари безглазые, конченная быдлятина!!!» –

столь лестные характеристики относятся ко всем сразу: критикам, читателям, интернет-рецензентам – тем, кто так или иначе подпадает под размытое понятие «окололитературная общественность». Эта самая общественность вызывает у ВПЗР стойкий рвотный рефлекс. Собственные тиражи тоже не устраивают ВПЗР – они слишком большие для настоящего писателя. И недостаточно большие для супер-раскрученного беллетриста. А для крепкого беллетриста – в самый раз. От одного упоминания, что она «крепкая белле-

тристка» (паче того – «бульварная авторесса»), ВПЗР снова впадает в неконтролируемую ярость и начинает бить посуду.

Я (собирая черепки): Хотите издаваться тиражом в три тысячи экземпляров? Это и есть, по-вашему, настоящая литература?

ВПЗР (норовя попасть в меня очередной салатницей): В нашей сучьей стране с ее извращенными понятиями об истинных ценностях – это и есть!

Я: Вообще-то между тиражами и размером гонорара существует прямая зависимость. Разве вы не замечали? Хотите посмертной славы или денег и популярности сейчас?

ВПЗР: Ты, конечно, на стороне денег, корыстолюбивая маленькая дешевка! Вот всегда, всегда знала, что ты поклоняешься не таланту, а золотому тельцу!.. Как, впрочем, и остальные недоноски во всем этом через задницу склепанном мире!..

Я: За исключением вас, разумеется.

ВПЗР: Да, за исключением тибетских монахов и меня!..

Примечание: Тибетские монахи так же далеки от ВПЗР, как далек от разрешения вопрос с продовольствием в черной Африке. Не в том плане, что монахи – глубоко религиозны, а ВПЗР – самая настоящая, неподдельная безбожница. ВПЗР, несмотря на все декларации, больше всего ценит собственный комфорт, который только деньги и могут обеспечить. И еще – посуду она тоже бьет избирательно: ни одной тарелки дороже 30 рублей за штуку не пострадало (и

сервис «Виллерой и Бох» как стоял целехонький, так и стоит). И еще – она ни разу не номинировалась на премию принца Астурийского и британский Букер и никаким почетным гражданином Рейкьявика не является. Некоторые (далеко не всегда основные) европейские языки и слитые в унитаз лекции в Принстоне – это да. А Пулитцеровская премия и Пен-клуб – нет. Ложную ВПЗР ни за что не отклеить от истинной, и это тоже подпадает под определение «знатная мистификаторша».

Страстно желая стать признанной повсеместно, ВПЗР панически боится любой публичности. Вернее, делает вид, что ненавидит ее, а на самом деле – боится. Публичность предполагает перетряхивание белья, коего у ВПЗР никогда не было в избытке. Слово «белье» я употребляю здесь по прямому назначению. Во всем, что касается носильных вещей, она крайне минималистична. Пара-тройка свитеров, пара-тройка штанов, несколько «ток-шоу юбчонок, чтобы не выглядеть на экране спустившимся с гор парнокопытным»; блузка и туфли на каблуках – опять же «для ублажения уродов, плящих в зомбящик». Две водолазки приглушенных цветов, две джинсовых рубахи. Летние ботинки, зимние ботинки. Жилетка. Вот, пожалуй, и все. ВПЗР просто не способна посмотреть на себя критически.

ВПЗР: И чем, скажи на милость, тебе не угодил мой свитер?

Я: Мало того, что он был куплен в секонд-хенде...

ВПЗР: Одеваться в секонд-хенде – моя фишка. Все это знают.

Я: Эта фишка давно вышла из моды.

ВПЗР: Да и наплевать... Кстати... (*тут ВПЗР впадает в глубокую задумчивость*)... а что я носила до сего прекрасного свитера?

Я: До сего прекрасного свитера была эпоха динозавров. Мел. Или триас.

Мел или триас – чистая правда. Почти. Вспомнить, в чем была ВПЗР до того, как вошла в эту судьбоносную тряпку, не представляется возможным по причине давности лет. Наверняка – в такой же судьбоносной тряпке.

Я: И это, заметьте, не гипербола.

ВПЗР: Я знаю. На гиперболы ты не способна в принципе. Равно как и на развернутые метафоры, оригинальные сравнения и вообще... на поток сознания, от которого захватывает дух.

Я: Ни секунды на это не претендую. Всем известно, что такой поток сознания можете генерировать только вы...

ВПЗР: И когда только его по достоинству оценят?

Я: Когда-нибудь да оценят.

ВПЗР: Его давно бы уже оценили, если бы мой агент не был такой ленивой овцой!..

Года три, как я приучила себя не реагировать на постоянно всплывающую тему «ленивой овцы». И на то, что во всех

мнимых и подлинных неудачах ВПЗР виновата только я, никто иной. Я, которая напрасно жрет хлеб, нисколько не заботясь о продвижении своего сверхвыдающегося работодателя напрямик в заоблачную высь – туда, где расположено мемориальное кладбище литературных селебритис всех видов и мастей. Надписи на надгробиях – вот что привлекает ВПЗР!.. Сплошные панегирики, сплошные констатации непреходящей роли в истории культуры и – шире – в истории так нелюбимого ВПЗР человечества.

У нее и текст для собственной эпитафии заготовлен. Что-то вроде «Большому таланту Гениальной – от почитателей изумленных».

Ни больше ни меньше. И всегда свежие цветы. Не пафосные, но со значением. И с подтекстом. Ирисы – «твоя дружба много значит для нас». Красные камелии – «Ты как пламя в нашем сердце». Хризантемы – «Позволь нам любить тебя вечно».

Да-а...

Но надо знать ВПЗР! Она и под могильной плитой не оставит гипотетические стенания поклонников без ответа. Обязательно отыщет способ брызнуть в них ядовитой слюной. Или, за неимением слюны, произрастет расхристанным кустом бальзамина: «Ха-ха-ха, ушлёпки! Мы, мать вашу, с вами не равны!»

Никто ей не ровня – и в этом вся ВПЗР.

Да-а...

Ей не нравится, когда ее не узнают, но и когда узнают – не нравится тоже. «Ложная скромность – первый признак гордыни, – говорит в таких случаях Катушкин. – И как ты до сих пор не удавила ее, Ти?»

Катушкин – партнер ВПЗР по покеру, один из немногих, кто вхож в дом и кто подпадает под весьма условное (в ее случае) определение «мой старинный друг».

Собственно, Катушкин старинный и сам по себе. В смысле – человек в возрасте. Ему за сорок, он переплетчик и реставрирует книги. Занятие довольно романтическое, требующее не только терпения, но и известной доли нежности.

Катушкин – нежный. Мягкий. Катушкин – большая умница, влияние книжных раритетов и фолиантов даром не прошло. При этом Катушкин может починить кран, поменять фильтр, вкрутить лампочку, прибить отошедший в коридоре плинтус и поклеить обои. ВПЗР без всякого зазрения совести пользуется прикладными навыками Катушкина, не забывая при этом хамить ему, третировать его и оттачивать на нем свое желчное остроумие.

И не было случая, чтобы Катушкин ответил ударом на удар или оскорблением на оскорбление. Не было случая, чтобы он выиграл у ВПЗР в покер. Даже имея на руках расклад, близкий к «ройял флеш».

«Себе дороже, – оправдывается Катушкин. – Она меня и прибить может, с нее станется. А хотелось бы пожить еще немного. Хотя жизнь и грустная штука».

Еще одно из оправданий катушкинского малодушия выглядит так: «Не будем волновать понапрасну нашего гения. Ему еще не одну нетленку писать...» Проговаривается данный текст без всякой иронии, и тут уж я сама готова удавить Катушкина – за откровенное пресмыкательство. За низкопоклонство перед вздорной бабенкой, ~~исчадием ада~~, квинтэссенцией мелких человеческих пороков, потому что на крупные ВПЗР не способна. Так и есть: ВПЗР – демон карманного формата.

А Катушкин – ангел карманного формата.

Их знакомство уходит корнями в мел. Или в триас. Ни один, ни другая толком не могут вспомнить, как именно оно произошло. Вернее, у обоих разные трактовки случившегося тысячелетия назад.

ВЕРСИЯ КАТУШКИНА: периферийная дива ВПЗР была подобрана студентом Института культуры Катушкиным прямо на улице, в состоянии сильного алкогольного опьянения. ВПЗР дефилировала по тротуару босиком, хотя на дворе стоял октябрь, и при себе имела небольшую сумку с вещами и документами. На сумке красовалась самопальная трафаретная надпись «SEXY NAUGHTY BITCHY»³ – Катушкин хорошо это запомнил. Точного перевода этой фразы он не знал, поскольку в институте изучал немецкий, а в курсе школьного английского таких слов быть не могло по определению. Возможно, знай чертов перевод, Катушкин поостерегся бы

³ Сексуальная, порочная, циничная (англ.).

приводить ВПЗР домой, в крохотную однокомнатную квартиру с мамахен и котом по кличке Ашшурбанипал или просто Шурик.

Возможно, хотя, скорее всего, – нет. Катушкин – сердобольный. И он не оставил бы на улице беспомощную девушку – любую, а не только ВПЗР.

Примечание: Лучшие бы Катушкину встретились любая другая девушка! Или динозавр. Или археоптерикс. Тогда бы его жизнь сложилась по-иному. Не обязательно счастливее, но – по-иному...

Так или иначе, но ВПЗР тормознулась у Катушкина с мамахен и Шуриком почти на год. И уже через неделю после вселения начала устанавливать свои порядки. Мамахен (такая же сердобольная и безответная, как Катушкин) была выдворена на кухню, сама же ВПЗР угнездилась на фамильной кровати из красного дерева и прибрала к рукам фамильную же китайскую ширму с цаплями. Дислокация самого Катушкина изменений не претерпела: он как спал на раскладном кресле у двери, так там и остался.

К себе за ширму ВПЗР пускала лишь кота Шурика – просто потому, что не пустить его было невозможно: всеми правдами и неправдами животное просачивалось в вэп-эзэеровский угол, поскольку полюбило новую жилищку сразу и навсегда. Ни Катушкина, ни катушкинской мамахен для Шурика больше не существовало. Но нельзя сказать, что лю-

бовь эта была взаимной: ВПЗР терпела Шурика, не больше. А под конец – так и просто возненавидела за излишнюю прилипчивость. Тут-то бы Катушкину и призадуматься во второй раз, экстраполировать ситуацию на себя. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять: любовь у ВПЗР никогда не бывает взаимной. Исключительно безответной, «а лучше бы ее и вовсе не было». Взаимная любовь, согласно теории ВПЗР, разжижает мозги и убаюкивает душу. В то время как душа должна страдать бессонницей и быть начеку, чтобы не прошляпить Великий Приход.

Великий Приход: он же – вдохновение, он же – божественное откровение, он же – внутреннее знание. И ни одно, пусть и самое качественное, соитие не сравнится с этим умопомрачительным внутренним знанием. А кто думает по-другому, есть пошлый обыватель. Лилипут. Человеческий перебой. Одним словом, «шайзе», как сказал бы склонный к немецким дефинициям Катушкин.

Очевидно, Великий Приход впервые настиг ВПЗР за ширмой у Катушкина. По его словам, Приход длился не меньше двух суток: все это время она что-то писала в замусоленной огромной тетради, без перерывов на сон и еду. Затем, когда время Прихода вышло, ВПЗР устроила общий сбор на кухне и зачитала присутствующим свой первый рассказ.

– Ну как? – спросила она у Катушкина и мамахен, когда последняя фраза была произнесена.

– Забористо, – только и смог вымолвить опешивший от

дичайшего и довольно путаного потока сознания Катушкин. – Такое впечатление, что ты под кайфом писала. В натуре... Барбитуратов пережрала или кокса нанюхалась.

– Пшел вон отсюда! – парировала ВПЗР, никогда не терпевшая критики в адрес своих эзерсисов. – Быдлятина. Совок. Пигмей. Иди штудируй Сергея Михалкова, идиот!

– А ты что думаешь, мама? – Струхнувший Катушкин тут же попытался юркнуть под крыло мамахен. – Разве я не прав? Не прав?

Мамахен, эта святая женщина (и по совместительству – сотрудница университетской библиотеки), отнеслась к эпистолярию ВПЗР гораздо более благосклонно, чем сын.

– Местами похоже на Джойса, – задумчиво сказала она. – А местами – на Кортасара. Читали Кортасара, деточка?

– Слышала, что есть такой писатель.

– Вы его почитайте, почитайте. Получите истинное наслаждение.

– С Кортасаром понятно, наслаждение и все такое... Хотя наслаждение можно получить и в другом месте. А со мной-то что?

– Добавлю сюда еще Генри Миллера... И – уж вы не обижайтесь – Чарльза Буковски.

– Да плевать на Буковски. Это ведь мой текст. Мой, а не его.

– У вас есть талант. Определенно, – наконец-то вынесла свой вердикт припертая к стенке мамахен.

– Большой или так себе – перевод бумаги?

– Никто не может сказать это наверняка.

– Ну это же просто! – с полоборота завелась ВПЗР. – Талант либо большой, либо его нет вообще. Чего уж тут ката за яйца тянуть?

– Вы талантливы, – сдалась мамахен. – Дерзайте. А время все расставит на свои места.

– Может, послать это в какой-нибудь журнал? Вдруг опубликуют?

– Я бы не рискнула...

– А я рискну. Обо мне все заговорят, вот увидите. Год, максимум два – и вы еще сами гордиться будете знакомством со мной. Экскурсии водить... По местам боевой славы.

– Боюсь, что до этого светлого дня я не доживу. – Мамахен, в отличие от юной ВПЗР, смотрела на жизнь трезво.

Так оно и вышло впоследствии: для того чтобы стать хотя бы мало-мальски известной, ВПЗР понадобилась целая куча времени. Даже за вычетом провальных девяностых. Катуськина мамахен, как и обещала, до бешеной популярности своей жилички не дожила, скончалась от инсульта за месяц до выхода ее первой книги. Но еще успела подарить ВПЗР компьютер – первый в ее жизни. Этот компьютер ВПЗР так и назвала – «мамахен» (совершенно неожиданный реверанс в сторону покойной, учитывая, что ВПЗР никогда не помнит добра. И на благодарность кому бы то ни было не способна в принципе).

Примечание: Все последующие компьютеры и ноутбуки ВПЗР тоже носили имя «мамахен». Как и все последующие коты Катушкина – имя Шурик.

История и ее проводник Катушкин умалчивают, в какие именно журналы было послано первое творение ВПЗР. И было ли послано вообще. Но и затеряться в толще времени ВПЗР ему не позволила: по прошествии двадцати лет после написания, изрядно переработанное и дополненное, оно выступило локомотивом сборника рассказов «Звонок ангелу».

Вряд ли имелся в виду Катушкин.

Что касается самого рассказа – он симпатичный. ВПЗР вымарала оттуда всю джойсовщину, миллеровщину и буквещину. А Кортасара сменила на Борхеса.

Хотя у меня большие сомнения, читала ли ВПЗР Борхеса. За пять лет моего Великого (хи-хи-хи) Служения (хи-хи-хи) Таланту (у-упс!) я ни разу не видела ВПЗР с печатным изданием серьезнее журнала «Всемирный следопыт». Она принципиально не следит за книжными новинками (вдруг некий, только что вздувшийся литературный прыщ окажется более талантливым стилистом, чем она? То-то будет катастрофа!). Конечно, ВПЗР не такая дура, чтобы отрицать общепризнанные, уже почившие в бозе авторитеты: она даже публично признавалась в любви к Льюису Кэрроллу и заявляла, что ее настольной книгой является сборник пьес Теннесси Уильямса (враки, враки, враки! Настольной книгой ВПЗР яв-

ляется ПиСиПи с закачанной туда безмозглой игрой «7 чудес света», где нужно тупо комбинировать кубики одинаковых цветов, – и будет всем счастье).

– Да, это безмозглая игра, что с того? – крысится ВПЗР, когда я застаю ее за столь малопочтенным для писателя занятием. – Я много и тяжело работаю. И имею право на релакс!

– А как же Теннесси Уильямс?

– Его я прочла сто лет назад. Как, впрочем, и всю мировую литературу. И она, спасибо ей, очень меня обогатила.

Очевидно, приобретение богатства было скоропалительным и случилось не только задолго до меня, но еще и до Катушкина.

ВЕРСИЯ ВПЗР: студент «кулька» Катушкин был подобран ВПЗР прямо на улице, в состоянии сильного алкогольного опьянения. И не просто подобран – отбит в драке. ВПЗР, случайно заметившая, что трое метелят одного, и тут же впавшая в свою обычную неконтролируемую ярость, вступилась за жертву. Живенько раскидав обидчиков и проводив их молодецким свистом (о, эти городские легенды!), она получила на руки жалкое существо с разбитой физиономией и изодранной в клочья футболкой. На футболке красовались остатки самопальной трафаретной надписи «SEXY NAUGHTY BITCHY»⁴, что вызвало у ВПЗР приступ здорового смеха. Она, в отличие от бестолочи Катушкина, пре-

⁴ Сексуальный, порочный, циничный (англ.).

красно знала английский и даже читала в подлиннике Уолта Уитмена, а Уитмен – это вам не Сергей Михалков.

Слегка протрезвевший Катушкин пригласил свою спасительницу домой, дабы познакомить ее с мамахен. Мамахен полюбила экстравагантную ВПЗР сразу и навсегда – поскольку та живо напостила ей... Кого именно – ВПЗР напроць позабыла, но, скажем, одного литературного персонажа. Девушку. Молодую женщину, цельную и яркую. Несгибаемую. Отважную. Способную на глубокие чувства (хи-хи-хи), сострадание (хи-хи-хи) и самоотречение (у-упс!). Такую встречаешь лишь однажды, чтобы полюбить навсегда (упс-упс-уууу-ппппссс!!!).

Примечание: *Холли Голайтли* – хотелось бы думать ВПЗР. *Холли Голайтли*, ибсеновская *Нора* или, на худой конец, *Скарлетт*. Хотя я думаю, что мамахен имела в виду кого-то из кафкианских персонажей. И насчет английского и Уитмена в подлиннике – тоже сплошной блеф. ВПЗР никогда не утруждала себя изучением иностранных языков. Она вообще никогда не делает того, что требует хоть малейшего напряжения сил. К литературным бдениям это, конечно, не относится. «Сочинительство – любовь моей жизни», – сказала как-то ВПЗР в одном из своих интервью. И это, пожалуй, единственный случай, когда она не слукавила.

Там, где у ВПЗР стоит «сочинительство», бедолага Катушкин (хоть он в этом ни за какие коврижки не признается) может смело ставить «Хонки-Тонк».

«Хонки-Тонк – любовь моей жизни», – именно так.

Хонки-Тонк – и есть ВПЗР в интерпретации Катушкина. Иногда он зовет ее просто Хонки, сути дела это не меняет. Не будь ВПЗР таким конченным ленивцем и любительницей трактовать всякое незнакомое слово, как ей заблагорассудится, она давно бы выудила из недр словарей истинное значение Хонки (а заодно – и Тонк).

Вместо нее это сделала я.

Итак: *honky-tonk* – *дешевый бар, дансинг или ночной клуб, чрезвычайно сомнительное заведение. Главным атрибутом в нем является разбитое вдребезг и расстроенное до неприличия пианино (тоже «honky-tonk», кто бы сомневался!). И звук у этого инструмента соответствующий. Но сбавать блюзок все же можно. И посвинговать в полутьме...*

Да-а...

Нужно быть полным идиотом, чтобы сунуться в подобную клоаку (я бы точно не рискнула). Но я – это я, а Катушкин – это Катушкин. Может быть, именно это его и привлекает – посвинговать в полутьме. Решиться на авантюру – вдруг что обломится?

Ничего.

Ничего ему не обломится – даже я понимаю положение вещей. Хотя мои пять лет с ВПЗР – ничто по сравнению с двадцатилетним сроком, который уже намотал Катушкин (хи-хи-хи, вот тебе и каламбур!). Да и двадцать не предел. Судя по всему – ему светит пожизненное.

– И почему бы тебе не выйти за меня замуж? – иногда спрашивает Катушкин. Не часто. Как правило, после грандиозного покерного выигрыша ВПЗР, инспирированного им же самим.

В ответ на это робкое предложение ВПЗР разражается оскорбительным для всех присутствующих смехом:

– Ты в своем уме? Предлагаешь мне стать Катушкиной? Писательница Катушкина – не глупость ли? Вселенская глупость! Разве можно добиться славы с фамилией Катушкина?

На носителя не слишком удачной (с точки зрения вечности) фамилии в такие минуты жалко смотреть. И я вступаю за несчастного:

– Совершенно необязательно брать фамилию мужа...

«Муж Катушкин» – еще один повод для иронии.

– Посмотри на себя, Катушкин! – хохочет ВПЗР. – Ну какой ты муж?

– Можно подумать, твои предыдущие были совершенством...

Ни одного из двух бывших супругов ВПЗР я и в глаза не видела, даже фотографий с ними не сохранилось. Да и фоток самой ВПЗР – раз-два и обчелся. Разве что – малоинформативные и искажающие действительность снимки на паспорт и расплывчатые детские. В них нет ничего от нынешней еуки, оборотня, римской волчицы ВПЗР: наивное дитя, каких миллионы.

Примечание: Иногда мне кажется, что ВПЗР стирает

задокументированную память о себе намеренно. Чтобы после нее осталось как можно больше трактовок и разночтений. Чтобы у каждого, кто с ней соприкоснулся, возникло собственное представление. Sexу-представление. Подретушированное, зафотошопленное, лишенное изъянов в виде старости, болезней и смерти. Похожее на ее тексты, в которых ей не больше тридцати и она всегда безрассудна, излишне откровенна, подвержена неумным страстям; в которых она не боится быть смешной и просто душой, чтобы в последней главе стать умной и обрести то самое Внутреннее Знание. Обо всем и обо всех. Слиться со своими текстами, стать неотделимой от них – вот чего жаждет ВПЗР больше всего на свете. За исключением славы, разумеется.

Примечание к примечанию: Она все-таки сволочь. И манипулянтка. Бедный Катушкин!..

Своему первому мужу ВПЗР обязана фамилией, гораздо более презентабельной, чем катушкинская. Под этой фамилией (больше похожей на тщательно продуманный псевдоним) она и всплыла в литературу. Иногда, в минуты подметных откровений за бутылкой водки (так не похожих на ее книжные откровения), ВПЗР заявляет, что вышла замуж исключительно за фамилию. А сам мужчинка был так себе, слова доброго не скажешь: нытик и рефлексирующий тип, склонный к сезонным депрессиям. Ничтожество, полный отстой, самый настоящий вырожденец. Засохшая и бессмыс-

ленная ветвь некогда могучего генеалогического древа (тут ВПЗР начинает путаться в показаниях: то ли Витте, то ли Струве, то ли Нессельроде). Жить с ним было одно мучение, которое, впрочем, быстро закончилось: брак не продлился и года. Второй вэпэзээровский муженек оказался не лучше первого: никаких рефлексий, зато тупое самомнение и грошовые сентенции о роли женщины в семье. Всегда подчиненной. Эти сентенции ВПЗР выслушивала года два.

– Что же так долго? – спрашиваю я, прекрасно зная, что подчиняться кому бы то ни было ВПЗР не способна в принципе.

– А трахался хорошо, – не моргнув глазом, отвечает ВПЗР. – Остальное меня не волновало.

– Тогда почему расстались?

– Трахался хорошо он не только со мной. А неверность я ненавижу.

Примечание: Снова враки. Неверность, как и верность, ВПЗР до лампочки. Ее не могут смутить ни предательство, ни низость, ни откровенная подлость. Точно так же она никогда не оценит благородства и жертвенности (привет тебе, Катушкин!). Для нее это лишь поворот сюжета, не больше. Или его кульминация с последующим эпилогом, где все расставляется на места. И каждый получает совсем не то, что заслуживает. По мнению ВПЗР, это и есть жизнь в ее первозданном, очищенном от излишка сахара и кондитерских присыпок, виде.

Лишь старина Катушкин пребывает в уверенности, что кульминация его отношений с ВПЗР еще не наступила. И что рано или поздно та все же прибьется к его берегу. И все проблемы этого гипотетического дрейфа он обсуждает со мной – своей наперсницей. Дуэньей. Набором сигнальных флажков. Передаточным звеном между ним и ВПЗР.

– Стареть в одиночестве грустно. Очень грустно, Ти. Впрочем, ты еще слишком молодая. Ты не можешь этого понять...

– Почему не могу? Могу. Это ведь не так сложно – понять.

– Должно быть, я неправильно выразился. Не понять – почувствовать.

– Может, и так, не знаю. Хотя в вашем возрасте говорить о старости рановато. Это же не восемьдесят. И даже еще не пятьдесят.

Катушкину совсем недавно исполнилось сорок пять. Как и в предыдущие четыре года, мы отметили это грандиозное событие втроем, в ресторанчике «Сакартвело» на Васильевском. Чудеснейшая грузинская кухня, вполне сносное грузинское акапельное многоголосие в записи, грузинское вино (для меня и Катушкина) и много интернациональной водки (для ВПЗР, потому что ничего, кроме водки, она не пьет). Катушкин произнес тост «за счастливое воссоединение с любимыми людьми», я – «за то, чтобы у сидящих за столом исполнились все самые сокровенные мечты» (благодарный

взгляд Катушкина и скептический – ВПЗР). Сама же ВПЗР ограничилась одиозным «желаю тебе увильнуть от простатита».

– ...Пятьдесят – не такая уж далекая перспектива. А я смотрю на перспективу, Ти.

Как раз в перспективе они и не сойдутся. Никогда. ВПЗР отвергает старость как таковую. Старость – единственная вещь, которая ей неинтересна с точки зрения «писать об этом». Следовательно, неинтересна вообще. Как явление, как состояние – внешнее, но в большей степени – внутреннее. Если исходить из реликтового, никем и ничем не опровергнутого тезиса ВПЗР о том, что литература должна быть секси, секси и еще раз секси, старости в ней не место.

Примечание: «*Sexu*» в понятии ВПЗР вовсе не означает историю любви или историю страсти, выведенную под узды на страницы книги. Вернее, означает не только это. «*Sexu*» в понятии ВПЗР – самое неприкрытое, откровенное соблазнение. Она пытается соблазнить читателя, понравиться ему, влюбить в себя со всеми вытекающими. Не думаю, что она делает это так уж осознанно, просчитывает все схемы и варианты с холодным носом и гонорарными счетчиками в глазах. Скорее, это бессознательный процесс: так же бессознательно мужчины и женщины флиртуют друг с другом. Все – или почти все. Вот и ВПЗР флиртует, пытается затащить всех и вся в свои книги, как затаскивают в постель. Уж не шлюха ли она? Если и шлюха, то

интеллектуальная! У-у-у-у-у-у!.. «Это – единственная разновидность секса, на которую стоит тратить время и силы. В моем случае, конечно», – не раз говорила ВПЗР.

Примечание к примечанию: Подозреваю, ее случай – клинический. Даже если учесть, что в реальной жизни ВПЗР недолюбливает стариков (детей, впрочем, она тоже не жаует. Любая кошка в состоянии умилить ее, и птица – в состоянии, а ребенок – никогда). В конце концов, нелюбовь к определенным категориям граждан – ее частное дело. Но, может быть, именно из-за того, что ВПЗР поставила исключительно на «sexu», ей и не вырваться из рамок беллетристики? Ведь настоящая литература (как и жизнь) – намного глубже, чем химия страсти. В ней гораздо большее количество химических, устойчивых и неустойчивых соединений и всяких прочих осадков. И сама страсть (которую без усталы препарирует ВПЗР) не вызывает сострадания. Интерес – да. Но не сострадание. А что есть литература, как не сострадание? Очищение через сострадание...

Конечно, это мое личное пафосное мнение, которое даже не озвучивается. Попробовала бы я его озвучить, как же! Тотчас бы слилась в унитаз, как лекции в Принстоне. С ярлыком «глупая овца», приклепнутым ко лбу. «Глупая овца» – еще одна разновидность «ленивой овцы». А еще есть «овца с апломбом», «зарвавшаяся овца», «вероломная овца», «претенциозная овца» и «овце этого не понять». Таких

овец наберется на целую отару, и все они – я.

Так почему я все еще с ней? Девушка 25 лет от роду, очень и очень неглупая (по утверждению многих), красивая (по утверждению почти всех), амбициозная, не лишенная бизнес-способностей и твердая, как камень (по утверждению всех без исключения). Средоточие добродетелей, кладезь мудрых мыслей, и вообще – стильная штучка, а никакая не овца!!!

Почему я не плюнула на нее и не удавила, как советовал добрейший и нежнейший Катушкин? Почему я все еще око-лачиваюсь в сомнительном дешевом пабе honky-tonk, жру дешевое пойло honky-tonk, морщусь от звуков разбитого пианино honky-tonk – и все же не уйду?! Каждую минуту рискую получить бутылкой по башке или нарваться на оскорбление – и все же не уйду?!!

Опомнись, Ти! Давно пора сделать ноги!..

Но я не уйду – разве это не подтверждение статуса «глупой овцы»?

Объяснение, которое лежит на поверхности и которое совсем не понравилось бы ВПЗР:

я работаю с ней из-за денег. Она платит мне даже больше, чем платят другим агентам: двадцать процентов вместо стандартных десяти-пятнадцати. Она выделила мне комнату в своей огромной, запущенной квартире – и это намного дешевле и удобнее, чем снимать жилье где-то у черта на

рогах. График «свободного художника» меня тоже устраивает: представить себя офисным работником или каким-нибудь другим работником с 9 до 6 я просто не в состоянии – это было бы смерти подобно! За пять лет я скопила приличную сумму, и она поможет мне продержаться на плаву, когда ВПЗР даст мне под зад мешалкой. Или я дам ВПЗР под зад мешалкой, такой вариант тоже существует. Поскольку ВПЗР – почти что сумасшедшая и конченная социопатка, не способная поддерживать деловые/светские/и просто отношения, за нее это делаю я. За пять лет я успела обрести связи, и они помогут мне продержаться на плаву, когда... (см. выше). Так что можно считать: ВПЗР – это мой банковский вклад с немаленькими процентами. Так что – ура и да здравствует!!!

Объяснение, которое лежит чуть глубже и которое понравилось бы ВПЗР не в пример больше:

я работаю с ней из-за нее самой. Она забавная. Никогда не знаешь, что она выкинет в следующий момент. Она – как ребенок, хотя ей уже сорок четыре. Капризный ребенок, несносный ребенок, невыносимый – но разве детям не прощается все? Она похожа на всех людей сразу и в самых разных их проявлениях: от так и не пойманного серийного убийцы до оплакиваемой всеми Матери Терезы. Она – как книжка. Но не из тех фолиантов и раритетов, которые реставрирует Катушкин. Это – малоформатное издание, карманное. Брошюра, да. Из серии: «Все о джазе за 40 минут» или

«Все о блюзе за 40 минут» (Джоан Арматрейдинг там даже не упоминается). А есть еще – «Все о рептилиях» и «Все о Троянской войне». И много чего другого. Когда у тебя под рукой ВПЗР – не стоит тратить жизнь на глубинное изучение всевозможных психологических типов и моделей поведения – все они перед тобой. Другое дело, что психология часто подменяется психопатологией... Но это-то и интересно! Так что – ура и да здравствует!!!.

Объяснение, которое лежит совсем глубоко, и не дай бог ВПЗР когда-нибудь пронюхать о нем:

я работаю с ней из-за веры в ее талант. В то, что она еще не написала свою лучшую книгу, способную... нет, не удивить мир. Удивить мир как раз не так сложно. Способную изменить что-то в любом человеке, который ее прочтет. Пусть это будут небольшие изменения, не важно. Важно, что, прочитав ее, ты уже не сделаешь каких-то вещей, а другие – наоборот – сделаешь. В ней будет чуть меньше страстей и чуть больше любви. Во всех ее проявлениях. Любви как отношения к жизни. Любовь – вот чего не хватает ВПЗР. Идущей не к ней, а от нее. Оттого-то она до сих пор и блуждает в потемках. И некому взять ее за руку и вывести на свет. Впрочем, взять себя за руку и вывести на свет может лишь она сама. А я просто буду рядом.

На сегодня все.

Спокойной ночи и удачи!»

«10 января.

О, Талего, гребаный остров!..

Мы все ближе к тебе, хотя я до последней минуты надеялась на обратное. Даже в Мадриде, даже в Аликанте... Я надеялась, что ВПЗР вступит в голову резко изменить маршрут и отправиться по побережью в Португалию. Или просто покататься по Испании, побывать в тех местах, где мы еще не были. Изменить маршрут, причем в самый последний момент, – такое уже случалось, и не раз. Однажды ВПЗР вместо запланированной Андалусии ломанулась в Сан-Себастьян: ей, видите ли, понравилось, как звучит название города. Как будто колокольчики звенят, и звон этот – хрустальный. Якобы у ВПЗР в далеком и почти неправдоподобном детстве был один такой колокольчик, елочная игрушка ручной работы. И ВПЗР жутко его любила, прямо-таки до беспамятства. Судьба колокольчика оказалась печальной, как и судьба всего остального, что имело неосторожность полюбить ВПЗР: он разбился. Но, возможно, реинкарнировался в город на берегу Бискайского залива – так утверждала ВПЗР, и спорить с ней было бесполезно. Собственно, мы туда и направились, – чтобы посмотреть на эту чертову реинкарнацию. Не знаю уж, увидела ли там ВПЗР, что хотела... Во всяком случае, сюжета для книги из этой нашей поездки выдодить не удалось.

Талего – совсем другое дело. Еще летом, после первого

его посещения, у ВПЗР забрезжила идея нового романа. Но одной идеи мало, ей еще и атмосферу подавай! Максимально приближенную к островной. Здесь, и только здесь она сможет начать свой труд. «Это будет нечто удивительное», — утверждает ВПЗР, нечто из серии «secret loneliness»⁵ или даже «solitude»⁶.

Изоляция, как же! Особенно если учесть, что она тащит за собой меня!

Примечание: *Вот почему мне не нравится Талего, гребаный остров! Потому что она тащит за собой меня!!*

Все мои надежды на Мадрид и Аликанте оказались тщетными. Разбились, как колокольчик из вэпэзээрковского детства (неизвестно, существовал ли он в действительности). Мадрид вызывает у ВПЗР отвращение, как и любой другой город, в котором люди имеют наглость проживать в большом количестве. Ненависть утраивается из-за тотальных построждественских распродаж (rebajas-rebajas-rebajas!!!). Чудные ребáхас проплывают мимо меня, несмотря на все законные просьбы («агент тоже имеет право на личную жизнь и личное время. И шопинг. Да, да, и шопинг, как составляющую личного времени!»).

Лучше бы я этого не говорила! ВПЗР тут же уличает меня как «буржуазную овцу»:

⁵ Тайное одиночество (англ.).

⁶ Уединение, изоляция (англ.).

– Я бы еще поняла, если бы речь шла о посещении Прадо. Но бегать по магазинам за шмотками – это пошло. И недостойно меня.

Кто тут вякает про Прадо? Человек, который и в Эрмитаже-то последний раз был в год дефолта, а Русский музей видел только с террасы летнего кафе! Лувр и галерея Уффици тоже оказались в пролете, что уж говорить о менее масштабных культурных объектах? На сегодняшний день в активе ВПЗР числятся только два музея: Артиллерии и Гигиены. Она ползала туда за каким-то материалом для очередной своей книги. И это можно считать гражданским подвигом, потому что обычно «за материалами» отправляют меня. Так Кто Тут Вякает Про Прадо?!

– А при чем здесь вы? Шмотки нужны мне, а не вам...

Лучше бы я этого не говорила! ВПЗР тут же уличает меня как «овцу, слишком много возомнившую о себе»:

– Что значит – «при чем здесь я»? По-твоему, гений должен ходить в рубище?

Она даже вынимает наушник из правого уха. Следовательно, хочет услышать ответ. Обычно ВПЗР не снисходит до выслушивания ответов обслуживающего персонала и не вынимает наушников. Интересно, что там играет сейчас? Наверняка какой-нибудь блаженный мейнстримовский «new age», если уж речь зашла о рубище. Что-то вроде немецкой группешки «Wise Hand» или электронного гуру Мэдвина Гудалла. Я прекрасно осведомлена о музыкальных пристрасти-

ях ВПЗР, потому что собственноручно качаю для нее музыку из инета. Бешеными гигабайтами. Происходит это так: ВПЗР озвучивает название группы, или проекта, или исполнителя. Моя задача – нарыть все возможные и невозможные альбомы, а также отдельные треки в сборниках «Various Artists». Иногда это бывает довольно затруднительно – слишком уж экзотическими выглядят группы, проекты и исполнители. И где только она их откапывает?

«А-а, навеяло. Ветром принесло...»

«Навеяло» — еще одно любимое слово ВПЗР. Относится ко многим вещам, не только к музыке.

А тема «рубища» неожиданно дает мне шанс не пропустить ребахас:

– Я против того, чтобы гении ходили в рубище, вы же знаете! Можем уделить денек обновлению вашего гардероба.

– И твоего заодно, – склочничает ВПЗР.

– Это – второстепенно. Главное – вы. Есть одна шикарная испанская фирма – «Десигуаль». Дизайнерские вещи...

Зря я заикнулась о дизайнерских вещах!

– Знаю я эти дизайнерские вещи! Стоят, как крыло от «Боинга», а по существу – кусок дерьма. Еще и мучайся потом с ручной стиркой и сухой чисткой.

– Как будто вы будете мучиться...

– Хоть бы и не я. Все равно не пойдет. Наша главная цель что?

Талего – гребаный остров.

– Все верно. Наша цель – прекраснейший из островов, где будет написана прекраснейшая из книг. Все, чего я хочу, – немедленно начать ее. Разве я прошу многого?

«*Разве Я прошу Многого?*» (жалобный тон, слезы в голосе и приподнятые выше обыкновения брови) – еще одно любимое слово ВПЗР. Относится ко многим вещам, не только к внешним проявлениям жизни.

– День-два ничего не решают. Раз мы уже в Мадриде...

– Это-то меня и удручает. Мы и минуты лишней здесь не задержимся!

Сказано сильно, если учесть, что не прошло и двух часов, как мы прилетели.

– Все равно придется кантоваться в Мадриде. И это еще часов двенадцать, не меньше. Поезд до Аликанте только завтра... А своим личным составом вы пока не обзавелись. – Вот она, моя маленькая месть за «лишние минуты» и несостоявшуюся охоту за десигуалевскими обновками.

– Да... Обстоятельства иногда бывают выше нас. – Всем своим видом ВПЗР показывает, что этот тезис ей не по душе. – В таком случае проведем вечер в том милом аргентинском ресторанчике возле Королевской оперы. Надеюсь, ты догадалась заказать столик?..

Я и забыла, что с ВПЗР всегда нужно быть настороже! И столь же настороженно относиться к ее трактовке прошлого. Наше предыдущее посещение «милого аргентинского ресторанчика возле Королевской оперы» закончилось грандиоз-

ным скандалом. Не вышедшим на международный уровень только благодаря тому, что я предусмотрительно смягчала высказывания ВПЗР при переводе. И, как могла, интерпретировала их в политкорректном ключе. Началось с того, что нам достался не самый лучший (по мнению ВПЗР) столик. Она, видите ли, хотела присесть у окна: за столиком, который на тот момент занимали какие-то англичане. В срочном порядке был вызван администратор с бейджем «Jesùs» на рубашке, попытавшийся было объяснить, что в их ресторане все равны. Если, конечно, не резервируют места заранее.

– Скажи, что я – известная русская писательница, – шепнула мне ВПЗР.

– Вряд ли это поможет, – шепнула ВПЗР я. – Здесь не очень-то знают русских писателей...

– Не смей! Про Толстого-то они слышали? Вкупе с Достоевским...

– Ну, вы же не Толстой. И не Достоевский.

– Я – русский писатель. Рус-сссский. Пис-ссссатель. Разве этого недостаточно?

– Боюсь, что нет...

– Хорошо. А если бы сюда заявила авторесса этого... как его... Гарри Поттера? Наверняка всех выгнали бы к чертям и закрыли свою рыгаловку на спецобслуживание...

– Не обязательно...

– А я думаю, что закрыли бы. О, пошлый испанский народец, вечно он трясется перед знаменитостями. Фу, низость!..

Быстренько переведи этому олуху все, что я сказала!

– Насчет Достоевского?

– Не корчи из себя идиотку! Насчет пошлого народца, авторессы, рыгаловки и спецобслуживания!

– Вряд ли ему понравится.

– Да плевать, что не понравится. Я и хочу, чтобы не понравилось! Привыкли, понимаешь ли, унижать русских. Забыли, что мы – великая страна.

– Это та самая страна, которая сучья? – Я не смогла отказать себе в удовольствии процитировать ВПЗР. – Или мы говорим о разных странах?

– Не хватай меня за язык! Дома мы можем говорить все, что угодно... Иное дело – здесь. Здесь мы представители нации. Не самые худшие, заметь. А что касается сучьей страны, есть правда для внутреннего пользования и правда для внешнего...

– А я думала, правда всегда одна.

– По большому счету, и правды-то не существует. Есть лишь ее интерпретации. Я как-нибудь разовью эту тему... А пока – поставь этого недоношенного гарсона на место.

Понукаемая злобным взглядом ВПЗР, я попыталась объяснить администратору, что «известную русскую писательницу» не вполне устраивает столик. Администратор тут же выдвинул альтернативу: другой зал, этажом ниже, очень уютный.

– В подвал, что ли, загоняют? – желчно поинтересовалась

ВПЗР. – Как крыс? Там, поди, и окон нет?

Окон, как пояснил Хесус, там и вправду нет, а в остальном... Но ВПЗР было чихать на остальное. И новость об отсутствии окон привела только к новым геополитическим обобщениям. В ход пошли тезисы о бессознательном страхе перед Россией и вполне осознанном раболепии перед англосаксами.

– Переводишь? – то и дело дергала меня ВПЗР. – Переводи! Переводи! Все, до последнего слова переводи!!

– Ваша подруга очень нервная, – покачав головой, сказал администратор Хесус. – Я принесу ей стакан воды.

Потом я очень сожалела, что не остановила его. Когда вода была принесена, ВПЗР уставилась на нее как на ядовитую змею.

– Это что еще за срань? Аперитив за счет заведения?

– Не совсем... Наш новый друг Хесус считает, что вам не мешало бы выпить водички. Прийти в себя, так сказать...

– Ах, он считает?!.

В следующую секунду ВПЗР плеснула в лицо администратору водой. А еще через три минуты мы оказались на улице. ВПЗР вытащила из ближайшей урны маленькую пластиковую бутылку и прицельно метнула в витрину: это немного ее успокоило. Остаток вечера мы провели в ближайшем к гостинице «Макдоналдсе», в сравнительном анализе этносов и отдельных их представителей.

И вот теперь, спустя год, снова всплыл «милый аргентин-

ский ресторантик возле Королевской оперы»!

– Может, поищем какой-нибудь другой?

– И искать не будем! – отрезала ВПЗР. – Мне там чрезвычайно понравилось. И персонал такой предупредительный...

– Что верно, то верно, – вздохнула я.

Спорить с ВПЗР относительно трактовок и интерпретаций – все равно что против ветра плевать. Остается лишь надеяться, что у прошлогоднего администратора Хесуса – выходной. Или он вообще уволился и отбыл в Аргентину записывать диск с музыкой «new age». Или заниматься поставками мяса на Европейский континент.

Хесус не уволился.

И он был первым, кто встретил нас у входа. И он нас узнал!

При виде ВПЗР он не потянулся в карман за парабеллумом, как можно было предположить, а широко раскинул руки и так же широко улыбнулся.

– Сумасшедшая русская писательница! – провозгласил Хесус. – Давненько же вас не было.

– Что он сказал? Переведи! – тотчас потребовала ВПЗР.

– Сказал, что чрезвычайно рад новой встрече со знаменитой писательницей из России, – на свой страх и риск перевела я.

– Запомнил меня, надо же! – Радости ВПЗР не было предела. – Ах ты мой хороший!..

Она заключила слегка опешившего Хесуса в объятия и

расцеловала.

Нам достался тот же столик, что и в прошлом году (козырное место у окна снова было занято какими-то туристами, судя по застревающим в глотках окончаниям слов – американцами). Но на этот раз ВПЗР нашла наше месторасположение превосходным. И вообще была на редкость смиренной – сказывалась-таки относительная близость ее вожделенного Талего. Лишь единожды за весь вечер возникла бледная тень скандала – когда ВПЗР потребовала, чтобы ей немедленно завели Хадию Нин, певицу из Бурунди. Хадия Нин – ее последнее музыкальное увлечение: настолько сильное, что придется, видимо, вставить ее в список ста сорока четырех тысяч избранных. Предварительно выкинув из него Джоан Арматрейдинг (или Рейчел Ямагату). Хотя до этого может и не дойти, если ВПЗР подсядет на кого-нибудь другого, типа солистки распавшейся шотландской группы «Cocteau Twins» (*уточнить в Интернете, как зовут солистку!*). Также подойдут сразу три солистки распавшейся немецкой группы «Tic Tac Toe» (их имена и уточнять не стоит, все равно не запомнишь). А если ВПЗР вдруг наткнется на разухабистый чикагский коллектив «DEVOTCHKA» или сводный хор караимов г. Варна (+ танцевальная группа + хормейстер) – кого будем выбрасывать из списков?..

О существовании Хадии Нин в аргентинском ресторане и слыхом не слыхали – вот удивление так удивление!

Но общими с Хесусом усилиями нам удалось склонить

ВПЗР к прослушиванию певицы Чамбао. Это оказалось несложно, учитывая ее благодушное настроение и то, что Чамбао и вправду была классной! Я, естественно, получила по голове, за сокрытие такой великолепной вокальной жемчужины местного разлива. И сразу же после втыка узнала (мысли носятся в воздухе!), что мне тоже уготовано место в списке избранных. Не самое козырное, в конце списка, что-то вроде 143 998.

– Мне, конечно, лестно... Но с чего бы вдруг?

– Скажем, это производственная необходимость, – сказала ВПЗР, глядя на меня сквозь бокал с красным вином. – Я тут подумала, что совершенно не знаю, как без тебя обходиться. Особенно после конца света. Ну, ты рада?

– А должна?

– Конечно.

– Тогда рада.

Опять я иду на поводу у этой ненормальной сумасшедшей-чиксы с большим приветом! Тетки, которая (совершенно необоснованно!) считает, что мир должен вертеться вокруг нее. Что у людей, ее окружающих, не может быть никакой личной жизни, собственных друзей и возлюбленных. И что все должны участвовать в представлениях, которые она разыгрывает, или, по крайней мере, стоять за кулисами. Я не верю в конец света и вовсе не жду его приближения, – с чего бы тогда радоваться?..

– По-моему, ты не очень-то радуешься, Ти. Ты вообще ка-

кая-то грустная последние дни.

Талего, гребаный остров! Вот что заставляет меня грустить лезть на стенку от тоски!

– А вы заметили?

– Конечно! Я всегда замечаю, что происходит с людьми, находящимися рядом со мной.

«Всегда замечаю», как же! Это не просто квази-мега-гипербола, это гипербола в неизвестной науке степени, бесконечно большая величина!

– Я просто ума не приложу, что мне делать на этом острове... Вы будете писать книгу, это понятно. А чем заниматься мне? Сколько мы там пробудем? Месяц, два?

– Как покатит. Может быть, и больше...

Господи ты боже мой! Хоть бы соврала!!!

– Тем более! Ни объектов приложения сил, ни особых развлечений там нет...

– Не стоит думать, Ти, что жизнь – сплошной цирк дю Солей! Аскеза иногда намного полезнее. Во всяком случае, продуктивнее. А для мыслящего человека развлечение всегда найдется. Ты ведь мыслящий человек?

– Не исключаю такой вероятности.

– Вот видишь! Проанализируешь прошлое, составишь бизнес-план на будущее... И просто отдохнешь...

Что-то новенькое! До сих пор ВПЗР ни секунды не заботилась о моем отдыхе. Наоборот, я по сто раз в неделю получала метку «праздной овцы, у которой каждый день – ев-

рейская суббота». Не-ет, меня не проведешь!..

– Мне почему-то кажется, что ваш Талего – то самое место, где вы вполне смогли бы обойтись без меня. Вы же сами намекали на loneliness. И даже на solitude!

Упоминание об одиночестве нисколько не смутило ВПЗР. Ничего удивительного, если учесть, что единственный вид одиночества, который она приемлет, – одиночество публичное.

– Я и собираюсь проводить время в благословенном solitude. Ты будешь нужна лишь для поддержания контакта с аборигенами. Я ведь совсем не знаю испанского...

– Разговорника вполне хватит на первых порах. Я как раз прихватила с собой разговорник. Прекрасное издание...

– Не пойдет. Формальный испанский мне ни к чему. Мне нужен живой, пропущенный через сердце язык. Со всякими лингвистическими штучками, утепляющими сюжет.

– Типа «мьерды»?

– Ха-ха! Типа «мьерды», да! Ты смотришь в самый корень.

«Мьерда» – единственное испанское слово, которое удосужилась запомнить ВПЗР. Более того, она произносит его без всякого акцента. Примерно так же, как Катушкин произносит свое «шайзе». И то, и другое означает «дерьмо».

– Только так мы сможем расположить к себе этих чертовых аборигенов. – При упоминании об аборигенах, как составной части ненавистного человечества, ВПЗР морщит-

ся. – Лингвистические штучки, прибаамбасы и фигулины.

– Вы их расположите и без фигулин. Одним только «мьерда». Но и без «мьерда» вы – удивительно располагающий к общению человек.

– Ты так считаешь?

– Абсолютно в этом уверена. Так что мои услуги на Талего вам вряд ли понадобятся. Я вам буду только мешать.

В общем-то, ВПЗР – бабеч умный, а где-то даже – мудрый, а где-то даже – со слегка зашкаливающим IQ (без этого такую уйму вполне достойных книг не напишешь). Но на лесть она ведется как конченная дура, как продавщица отдела нижнего белья. И чем кондоее лесть – тем быстрее ведется! И сейчас бы повелась, если... Если бы на Талего, гребаном острове, ей не пришлось бы решать свои гребанные проблемы в одиночку.

Решать проблемы в одиночку – вот что ее до смерти пугает! Конфликт интересов налицо. Быстренько взвесив все «за» и «против», ВПЗР включает Лулу.

Лулу – чудный мальчуган с реликтовой французской рекламы бисквитов «Lefèvre-Utile». Что это за фирма и что это за бисквиты, я и понятия не имею, выпускались они еще в Первую мировую. Винтажная жестянка с Лулу была украдена ВПЗР из маленького магазинчика в Барселоне. Не знаю, стоило ли рисковать репутацией из-за десятиеврового Лулу? ВПЗР считает, что стоило, один орден на его рисованной цыплячьей груди стоит дороже. Вроде бы это легендарный CROIX DE GUERRE – военный крест 1915 года. Но не ис-

ключено, что и медаль «От благодарной Франции» неизвестно какого года. Во всем остальном Лулу – самый обыкновенный мальчик, хотя и чуть более умильный, чем следовало бы. Белый беретик, красно-синяя пелеринка (о, эти национальные цвета!), высокие ботиночки на шнуровке и корзинка с печеньем в руках. Лулу жрет бисквит и смотрит на тебя таким проникновенным взглядом, что хочется сделать для него все возможное и невозможное: купить радиоуправляемую модель яхты Абрамовича, усыновить, впихнуть в Йель по достижении призывного возраста и переписать всю зарубежную недвижимость на его имя. Хорошо, что у меня нет зарубежной недвижимости и желания кого-либо усыновлять: случился бы конкретный попадос!

А включить Лулу в контексте ВПЗР означает только одно: скроить такую физиономию (она это умеет!), что сразу хочется... см. выше!

При этом глаза ВПЗР становятся круглыми, как у птицы, и на самом их дне блестит влага. А я прямо-таки вижу белый беретик, пелеринку и ботиночки с почему-то развязанными шнурками. Ах ты мой зайчоныш, ну кто о тебе еще позаботится, как не я?! И шнурки завяжем, и висюльку на груди протрем (не военный крест, а орден Почетного легиона, на меньшее ВПЗР не согласна). Но в этот раз она идет даже дальше, чем обычно: влага поднимается метра на четыре выше ориентира и готова вот-вот выплеснуться из глаз.

– Хочешь оставить меня, Ти? – голосом, не предвещаю-

щим ничего хорошего, спрашивает ВПЗР.

– Нет.

– В момент, когда ты больше всего нужна?

– Никто не собирается вас оставлять...

– Подгадала случай, чтобы воткнуть нож мне в спину?

– И не думала...

– Куснуть руку, дающую тебе кусок хлеба?

– Да что вы в самом деле!..

– Это ведь предательство, Ти. Самое настоящее предательство. Думаешь, я не знаю, какие переговоры ты ведешь у меня за спиной? Ты давно хотела переметнуться к...

Тут ВПЗР ошарашивает меня именем, хорошо известным в писательских и читательских кругах. Популярная беллетристка, тиражи которой на несколько порядков выше, чем у ВПЗР. ВПЗР считает беллетристку конченной графоманкой и жаждет ее публичной казни у фонтана перед Большим театром: чтобы другим не повадно было писать дрянные книжонки. Эту беллетристку я видела в гробу (из красного дерева с позолоченными ручками), а она... Она вряд ли знает о моем существовании! И уж тем более вряд ли нуждается в моих услугах: у нее и так все шоколадно.

– Это полный идиотизм, – стараясь держать себя в руках, говорю я. – Ни к кому я не собираюсь переметнуться.

– Хочешь променять Служение Таланту на Служение золотому тельцу? – В умении взводить себя на пустом месте ВПЗР нет равных.

– Не хочу.

– Тогда почему ты отказываешься от Талего? Он на сегодняшний момент и есть краеугольный камень Служения Таланту.

Ну вот и наступил последний акт supermelodramы: Лулу-ВПЗР плачет. Натурально – плачет! Тихие слезы падают на пелеринку, на орден, на корзинку с бисквитами «Lefèvre-Utile» и на сам бисквит, торчащий из лулу-вэпэзээрковского рта. Каким образом подмоченным оказывается еще и беретик – уму непостижимо... Supermelodrama, одним словом, разыгравшаяся при этом исключительно в моем жалостливом воображении.

– Ну хорошо, – ломаюсь я. – Поеду с вами на этот гре... прекрасный остров. И побуду, пока все не наладится. Такой вариант устроит?

– Более или менее, —

слезы ВПЗР моментально высыхают, и малыш Лулу снова отправляется к себе, на Первую мировую, за очередным орденом/медалью: на этот раз – за Верден. Чтобы снова появиться, когда призовут полковые трубы ВПЗР. Мне же эти самые полковые трубы весело наигрывают: «Ты попала, Ти! В очередной раз – попала!»

Чтобы закрепить достигнутое, ВПЗР обещает мне золотые горы: походы по мадридским магазинам на обратном пути (ребахосовскую разницу в цене она обязуется возместить из собственного кармана), как минимум два дня в «El Court

Ingles'e»⁷, а лучше – три!.. Любую вещь из десигуалевской коллекции, на которую я только ткну пальцем (опять же – за счет средств работодателя). И даже поездку на Мальдивы в обозримом будущем. И поездку на Гибралтар. И поездку в Доминикану. Убив на перечень грядущих благ минуты три, ВПЗР плавно возвращается в день сегодняшний, вернее – завтрашний, где ее подстерегает благословенный Талего.

Остров ее жизни.

– Меня ждет прорыв! – ВПЗР даже подпрыгивает на стуле. – Чувствую, что напишу там лучшую свою книгу! Этот остров не такой, как все другие острова!

– Как будто вы были на других островах!

– Конечно была! На одном только Шпицбергене прожила пять лет... Шпицберген – чем тебе не остров? Я и на Кубе успела потусить. И на Ибице, пока она не стала такой популярной среди диджеевского транс- и хаус отребья...

Примечание: *Раньше, насколько мне помнится, шпицбергеновская эпопея занимала года полтора от силы. А Куба с Ибицей и вовсе не всплывали.*

– Я уж молчу про Гаити, – продолжает фантазировать ВПЗР. – Ну ни капельки мне там не понравилось, сплошные ураганы и стихийные бедствия... Ежедневно по десятку человек смывало, не говоря уже о мелком и крупном рогатом скоте...

⁷ Крупнейшая сеть универсальных магазинов в Испании.

– И как только вы уцелели?

– Назло всем... Как обычно. И запомни – никакие другие острова Талего и в подметки не годятся. Это – любовь с первого взгляда. Уверена, нас ждет там нечто необычное... Выдающееся. Откровение господне, как ни пафосно это звучит. Пафосно?

– Пафосно-пафосно.

– Да и плевать. Я прямо вижу, как мы гуляем по кромке зимнего моря... Зимнее море – это тебе не летнее море. Зимнее море – понятие философское. Вернее – это и есть сама философия в чистом... так сказать – концентрированном – виде. Философия, психология, психоаналитика, нейролингвистика и много чего другого...

– Ага. Сплошные Фрейд с Юнгом... «Толкование сновидений» и «Метаморфозы и символы либидо»... А следом за гуляющими нами будет двигаться группа индейцев навахо с флейтами. И группа индейцев сиу – с фисгармониями. Для создания, так сказать, музыкального фона. Гармонирующего с пейзажем.

Видно, что ВПЗР очень хочется плеснуть мне в лицо остатками красного вина из бокала. И запустить в меня тарелкой с остатками мяса в карамельно-луковом соусе. Две причины, по которым она этого не делает:

– за бой посуды придется платить;

– я только что согласилась на Талего, но могу и передумать. А этого уже не может допустить она сама.

Посему ВПЗР натягивает на себя маску вселенской кро-
тости и смирения («был карнавал, и я нарядилась Флоренс
Найтингейл») и замечает только:

– Флейты с фисгармониями не монтируются. Пианино –
еще туда-сюда, а фисгармония – нет. Как тебе наш друг Хе-
сус?

Бесконечные перескакивания с темы на тему – еще
один отличительный признак ВПЗР. Фирменный приемчик,
неотъемлемая часть потока сознания, который никак (ко
всеобщей скорби) не иссякнет. Меня он уже давно не удив-
ляет. Удивляет имя администратора ресторана Хесуса в кон-
тексте «наш друг». До сих пор столь высокого звания удо-
стаивался лишь проверенный временем Катушкин. А Хесу-
са мы обе видим второй раз в жизни.

– Хесус? Никак. Парень себе и парень.

– А кое-кто еще минуту назад упоминал либидо...

– Что-то я не пойму... Какое отношение юнговское либи-
до имеет к здешнему администратору?

– Вообще-то я подумала о твоём либидо. Мне кажется,
оно как-то захирело в последнее время... Ты совсем пере-
стала обращать внимание на мужчин. Это меня тревожит.

На подобную низость способна только ВПЗР, никто дру-
гой! Как будто не она старательно вытраивала всех моих
ухажеров, выжигала их на корню, высмеивала и называла
«чмо из рогатника». А были еще «хорошо темперированные
ублюдки», «ходячие энциклопедии козлизма» и (вершина

вэпэзээрковского ненорматива) «ebanat'bi кальция». За пять лет работы на ВПЗР у меня было два относительно серьезных романа («хорошо темперированный ублюдок» и «чмо из рогатника»), одна совершенно иррациональная страсть («ebanat кальция»), а из «ходячих энциклопедий козлизма» можно составить целую библиотеку, предварительно отдав тома Катушкину – на переплет.

Уничтожение противника (а мои парни в понятии собственности ВПЗР были противниками, покушающимися на ее привычные устои, частью которых являюсь я) всегда происходило по одной и той же схеме, с незначительными вариациями. Узнав о наличии молодого человека, ВПЗР вроде бы радовалась за меня, во всяком случае, выражала публичное одобрение и – хотя и не сразу – требовала личного знакомства с избранником.

«Я должна знать, в какие руки тебя отдаю. Поскольку несу ответственность за твою судьбу!»

или:

«Интересно было бы хоть одним глазком посмотреть, кого ты выбрала, Ти. Это наверняка превосходный во всех смыслах мужчина».

или:

«Взгляд со стороны не помешает, Ти. Особенно – взгляд близкого старшего друга. Я ведь твой друг и очень нежно отношусь к тебе... Не лишай меня счастья сопричастности...»

«Счастье сопричастности», ха-ха!

Скорее – «счастье ковровых бомбардировок с последующей зачисткой местности»!

Каждый раз я велась на эти проникновенные фразы, забывая, что ВПЗР – сволочь и манипулянтка. Единственное, что извиняет меня: я была влюблена – следовательно, была безоружной, полуслепой и почти что голой. Без белья, но с мэйкапом. И тональником на ягодицах, чтоб не бликовали, – сказала бы ВПЗР. Вот такая, без белья, но с мэйкапом, я брала за руку очередного своего мужчину и вводила под закопченные своды сомнительного заведения honky-tonk. И усаживала за колченогий, весь в липких пятнах стол. И заказывала отдающее блевотиной пойло honky-tonk.

То есть пойло всегда заказывала ВПЗР. И это было самое дорогое пойло в ресторанном меню. И самый дорогой ресторан – поскольку встречались мы (я, мой парень и ВПЗР) исключительно в дорогих ресторанах. Таков был ее выбор. Такова стратегия.

Примечание: ВПЗР отлично разбирается в напитках (издержки профессии, в ее книгах все герои пьют). ВПЗР отлично разбирается в кухнях (издержки профессии, в ее книгах все герои жрут). Она отлично разбирается в табаке и его производных (издержки профессии, в ее книгах все герои курят напрадую). Она знает все марки сигар и трубочного табака, но в жизни предпочитает самые дешевые, вонючие сигареты (так экономнее). Она может убить час на сравнительную характеристику вин, хотя и равнодушна

ко всем винам, за исключением водки. Она может долго и пространно рассуждать о вкусовых достоинствах «когтей дракона» – редких моллюсков, объекте рискованного промысла (цена порции – около 150 евро). Но при этом ей совершенно все равно, что у нее в тарелке, – те же пресловутые «когти дракона» или жареная картошка с тушенкой.

Примечание к примечанию: Картошка с тушенкой, безусловно, предпочтительнее. Но понты дороже денег. «Притворись знатоком всего на свете!» – вот девиз ВПЗР. Она – притворищица из притворищиц, обманищица из обманищиц, королева прохиндеев!

Тягаться с королевой прохиндеев не представляется возможным. Во всяком случае, никому из моих парней не удалось ее переиграть. Начинались же ресторанные посиделки благостно, чтобы не сказать – пасторально. ВПЗР умело изображала из себя добрую тетушку, заранее приветствующую выбор своей подопечной. Фраза вечера: «И почему ты так долго скрывала от меня этого милягу?» Еще одна фраза вечера: «Эх, будь я на двадцать лет моложе...» Еще одна фраза вечера: «Он душка». Еще одна фраза вечера: «Как же я рада за вас! Благословляю, дети мои!»

После любой из этих фраз следовал столь любимый ВПЗР цирк дю Солей, дурдом на барбекю и избиение младенцев в одном флаконе. Она начинала:

– гнусно флиртовать (в случае идентификации моего уха-

жера как латентного альфонса);

- давить интеллектом (в случае его идентификации как недоумка);

- подкалывать с ехидной улыбкой и всячески провоцировать на ответные подколки (в случае, если он ей просто не нравился. А не нравились ВПЗР все без исключения).

А иногда задействовался и весь доступный арсенал.

Всячески опуская моего спутника, ВПЗР не забывала опустить и меня саму. Неявно. Подмешивая в бочку меда зловонную ложку не дегтя даже, а дерьма. Шайзе, мьерды. Часа через полтора подобного артобстрела пространство вокруг нас начинало неуловимо меняться. А потом... Потом в голове у меня как будто переключался какой-то тумблер. И я видела своего парня, как в кривом зеркале: недоумком, альфонсом и просто малосимпатичной личностью. Страшно даже подумать, какой он видел меня!.. Зато ВПЗР торжествовала. И, торжествуя, всегда уходила по-английски: «Воркуйте, голубки, а я отлучусь ненадолго. Пойду, попудрю носик».

Не было случая, чтобы она вернулась обратно.

А мы еще некоторое время сидели в ожидании. Альфонс и корыстолюбивая самка. Недоумок и шлюшонка. Малосимпатичная личность мужского рода и малосимпатичная личность – женского. А потом выкатывались из заведения, заплатив астрономическую сумму за сожранные ВПЗР деликатесы и выпитое коллекционное вино. К слову сказать, две трети моих воздыхателей проверку ресторанным счетом не

прошли, заявив, что не собираются отдавать свои кровные за причуды «скверной бабы, пусть она и трижды известная, мать ее, писательница». А три четверти из этих двух третей вообще заявили: «Да пошли вы в пень, обе!»

После чего наши отношения заканчивались сами собой, по обоюдному согласию сторон.

К чести оставшейся одной трети – она все же платила. Шмыгнув носом и дернув кадыком.

Но отношения все равно заканчивались, так как над ними (неизвестно почему) довлела смоделированная ВПЗР криво-зеркальная реальность.

Всякий раз я спрашивала у себя: «Что это было?» Всякий раз давала себе слово уничтожить ВПЗР морально. Уволиться, высказав все, что думаю о ней. Смазать по физиономии напоследок. Или попросту плюнуть в нее.

И всякий раз ничего путного из этого не выходило.

Во-первых, потому, что в первые сутки после своей Глобальной Ресторанной Пакости ВПЗР была недостижима. В прямом смысле: ее рабочий кабинет был заперт изнутри, а на дверях висело сразу четыре таблички «*DO NOT DISTURB!*», прихваченные в свое время из самых разных гостиниц. И на все мои крики она спокойно отвечала из-за двери: «Я заканчиваю главу. Поговорим позже, Ти».

«Ну ничего! Все равно выползешь! Хотя бы в сортир! Хотя бы на кухню – утянуть кусок холодного мяса из холодильника! Тогда и получишь сполна, бампером по харе», – уте-

шалась я мстительными мыслями. И устраивалась на кресле против дверей в кабинет. С книжкой модного отечественного автора в руках – из тех вулканических литературных «прыщей», что вскакивают внезапно и с единственной, по мнению ВПЗР, целью: еще больше обезобразить и без того не блещущее красотой лицо современной культуры.

Ничего, кроме злобы, круто замешенной на черной, беспросветной зависти, «прыщи» у ВПЗР не вызывают. Оттого-то она и бесится и впадает в клинч, если кто-нибудь в радиусе пятисот метров раскрывает высокотиражный томик такого вот «прыща». Мудрый Катушкин давно обезопасил себя, перескочив на книжные фолианты и раритеты, датируемые (в худшем случае) началом прошлого века. И он ни разу не был замечен в противоестественной связи с современными и более удачливыми, чем ВПЗР, писателями. Писаками, масскультовым мьерда, конъюнктурным шайзе, главная задача которых – потрафить низменным вкусам толпы, срубить бабла на этом и (апофеоз!) внедриться в зомбоящик, став медийным лицом. У медийного лица есть одно неоспоримое преимущество: его узнают. Все без исключения. Ему делают скидки в стоматологических клиниках и салонах красоты, у него просят автограф в кафе и презентуют бутылку вполне сносного шампанского в ресторанах – «за счет заведения». У него нет проблем с местами на чартер в разгар туристического сезона: сошки, сидящие на билетах, – сплошь почитатели его тв-ва. Медийности сопутствует и масса дру-

гих вкусовностей с зашкаливающим количеством калорий. Так недолго и в весе прибавить, потерять форму и – как следствие – быть изгнанным из зомбоящика. Что периодически и происходит с «прыщами» – к вящей радости ВПЗР. Она даже может посочувствовать низвергнутым кумирам толпы, но пока они на коне – сочувствия от нее не жди!..

Я несколько раз попадалась на чтении имевших резонанс литературных новинок – и попадосы эти заканчивались крупными скандалами. Обвинениями в отсутствии вкуса, мозга и вменяемой шкалы эстетических ценностей. Термин «овца, питающаяся трупятиной» тоже произрос из литературных скандалов. И сколько я ни пыталась втолковать ВПЗР, что овца – животное травоядное, ничего из этого не вышло.

Теперь-то я, наученная горьким опытом, читаю не-вэп-эзээровские книжки исключительно за закрытыми на семь замков дверями собственной комнаты. На пленэре, в кофейнях, в поездах и перед бюджетными утренними киносеансами для пенсионеров и школьников. Вдали от ВПЗР, ну ее в пень, тут мои воздыхатели правы. И лишь после Глобальной Ресторанной Пакости позволяю себе попасться ей на глаза с компроматом.

Каждый раз забывая, что в этом случае реакция будет совсем иной.

ВПЗР появляется на пороге своего кабинета в образе «аутичной сиротки», сослуживицы Бисквитного Лулу по ба-

тальону самокатчиков. Все движения ее замедлены, все эмоции загнаны внутрь, а в глазах наблюдается известная пустота.

Шаркая ногами и держась рукой за стену, «аутичная сиротка» идет по своим делам. И один лишь ее вид вызывает у меня приступ острой жалости. Какое там «смазать по физиономии»! Единственное, чего мне хочется в этот момент, – прижать несчастное дитя к себе, растормошить и развеселить его, а потом – показать специалистам: вдруг еще можно что-то исправить и вернуть ребенка в социум!

– Читаешь? – спрашивает у меня «сиротка» на обратном пути в кабинет. – Отличная книга и такая трогательная, я плакала. Может, попьем чайку?..

В процессе чаепития, на которое я безвольно соглашаюсь, ВПЗР пространно рассуждает о новой главе из книги, цитирует только что написанные куски, размышляет о высоком (низменном), размышляет о прихотливости человеческой природы и делает смелые художественные обобщения.

– А как твой парень? – спрашивает она после очередного псевдоэкзистенциального кульбита.

Я, оглушенная трепом ВПЗР, оказываюсь не готова к этому вопросу. Я вообще никогда не бываю к нему готова.

– Что?

– Как твой парень? Он мне очень понравился.

– Он альфонс. Недоумок. И вообще... Малосимпатичная личность.

Неужели я (я!) произношу весь этот бред, внушенный ВПЗР?! Нет, не я, кто-то другой, очень похожий на меня. Находящийся по ту сторону кривого зеркала.

– Да что ты!!! – делано изумляется ВПЗР. – Быть того не может!

– Может.

– Ну надо же... А выглядел таким приличным, я даже порадовалась за тебя...

– Рано порадовались, значит.

– Вот и верь после этого в писательскую мудрость...

– Я никогда не верила в писательскую мудрость. – Именно этой реплики и ждет от меня моя чертова иезуитка. Именно ее я и подаю, стоя в кулисах и не смея выйти на хорошо освещенную сцену.

Сцена предназначена только для ВПЗР. Исключительно.

– И правильно делала! – ВПЗР раздражается страстным монологом в стиле сенековской (расиновской) Федры. – Мудрость никогда не являлась достоинством писателя. Скорее – наоборот. Наивный, детский взгляд на мир – вот что ценно. Взгляд, который снимает ненужные наслоения со знакомых всем слов! Заставляет по-новому оценить их...

От слов ВПЗР переходит к сюжетам, также требующим новизны. И к требующим нетривиальности мыслям. А мужчина-альфонс-недоумок-малосимпатичная личность – что может быть тривиальнее?

Ни-че-го!

Значит, и заморачиваться этим не стоит. Будет другой, третий, десятый!

– У тебя вся жизнь впереди, Ти, – подытоживает ВПЗР. – Найдется и твоя половинка. Как говорят в народе: на каждый горшок – своя крышечка.

Мое – отшлифованное годами работы с писательницей – воображение тут же начинает рисовать горшки самых разных модификаций: от терракотовых сосудов эпохи Мин до банальных молочных крынок и не менее банальных ночных ваз из пластика. Все это великолепие стоит в сумрачном honky-tonk типе, стены которого густо заляпаны красным (случаются же меткие стрелки!). Вот и сейчас один из метких стрелков, неуловимо похожий на ВПЗР, выходит на линию огня. И, молниеносно перезарядив винтовку, стреляет, почти не целясь.

Бац-бац-бац!

Десять из десяти!

Приз за меткость (резиновая утка и конструктор «Лего») вручается «аутичной сиротке», а от горшков (каждый из которых мог стать моей судьбой) остаются одни черепки.

И после всего эта гадина, беспринципный и аморальный фрнк, ритуальная убийца ЕЩЕ СМЕЕТ ГОВОРИТЬ О МОЕМ ЛИБИДО!!!

... – Наш друг Хесус – симпомпончик, – продолжает измываться ВПЗР. – Ты не находишь?

– Нет.

– А ты представь его в костюме тореро... Галуны, позолота, красная тряпка в руках... Забыла, как она называется.

– Мулета. Красная тряпка называется мулета. И вообще – это не тряпка, а плащ. А ваш друг Хесус, – я делаю ударение на слове «ваш», – совсем не похож на тореро.

– Может быть, ты и права... Просто влюбиться в тореро – совсем не то, что влюбиться в администратора ресторана. Любовь к человеку романтической профессии возвышает тебя над толпой. Матадоры, рыбаки, капитаны судов, сражающихся со стихией... Кстати, на Талего живут именно такие мужчины.

– Вы полагаете?

Я уже имела счастье лицезреть мужчин острова Талего. Два цыганистых типа из сувенирной лавки – им я бы не доверила даже использованную зубочистку, не говоря о собственной жизни. Прощельга-официант, опустивший нас (меня) на двадцать пять евро в единственном островном кафе. Один специалист по дезинфекции с лицом дауна: он как раз поливал разбодяженной химией траву около этого чертова кафе... Кто еще?.. Пока я судорожно пытаюсь вспомнить, был ли там кто-то еще, ВПЗР продолжает развивать тему с Талего.

– Ты ведь знаешь, я – почти ясновидящая. Любой хороший писатель – ясновидящий. Вот и спроси меня: что я вижу в данный конкретный момент.

– И что вы видите в данный конкретный момент?

Теперь это даже не театр, а кинематограф, вернее – синематограф начала XX века. Жесты чудовищно преувеличены, мимика доведена до абсурда, одним словом – Supermelodrama с убийственным финалом. Что-то вроде «Антоша, погубленный корсетомЪ». ВПЗР не просто закрывает глаза, она изо всех сил зажимуривает их. И картинно простирает руки над столом.

– Вижу мужчину... Молодого человека восхитительной наружности... В свитере грубой вязки, в куртке с капюшоном. Он стоит на скале, подставив лицо ветру. Он говорит: «Я ждал тебя все эти годы, любовь моя...»

Чудовищный текст. Абсолютно непохожий на те тексты, которые обычно выскальзывают из-под пальцев ВПЗР. То есть отдельные слова встречаются (за исключением, пожалуй, слова «любовь») – но совершенно не в тех комбинациях. А данные комбинации – пошлость и мезальянс!

Примечание: Слово «любовь» ВПЗР не употребляет принципиально. И абсолютно сознательно. Предпочтение отдается не синонимам даже, а антонимам. Так, по мнению ВПЗР, интереснее. Забористее. Так можно закрутить интригу до последней возможности. Аллюзии на тему слова «любовь», развесистые, как клюква, метафоры и прочие коннотации – тоже наши все. И она еще хочет добиться понимания! Признания и иных (коннотативных) вещей. Навивная чукотская девушка!..

– А кому он это говорит? – спрашиваю я у ВПЗР. – Вам?

– Почему – мне? Тебе. Он говорит это тебе... Я для него слишком недостижима. Разница в потенциалах чудовищная. И большинство людей ее чувствует – на подсознательном уровне... Он, может, и хотел бы упасть на хвост именно мне, но... Бодливой корове бог рогов не дает. А ты тоже вариант. И не самый худший. Ты ведь у нас сушая прелесть, Ти...

Ненавижу эту вэпэзээрговскую черту: вроде говорит тебе комплимент, но ощущение такое, что опускает в бочку с нечистотами. Злиться на это – себе дороже, проще – не замечать. Иначе механизмы самосохранения и самооценки заклинит к чертовой матери.

– Он что, русский? Тот парень на скале...

– Почему – русский? Вряд ли русский... Что делать русскому на испанском острове, да еще в куртке с капюшоном? Он испанец. Скорее всего. Или швед...

– Но если он испанец или швед... Как вы можете понять, что именно он говорит? Вы же не знаете ни испанского, ни шведского.

ВПЗР не так-то просто поймать за руку:

– Если уж на то пошло, шведы говорят на английском, который, как всем известно, я знаю в совершенстве.

– Швед на испанском острове – такой же нонсенс, как и русский. Ведь речь не идет об интернациональном борделе под вывеской Ибица?

– Ни в коем случае не Ибица! – трясет головой ВПЗР. –

Это наш благословенный Талего.

– Так что же там делать шведу?

– Ну-у... Все, что угодно... Скажем, его вынудили приехать обстоятельства... Крайне любопытные и крайне важные. Встреча с тобой, например.

– Откуда он знает о моем существовании?

– Еще не знает, но... – ВПЗР принимается трясти головой еще интенсивнее. – Не важно! Это же моя история! Мое предвидение... Могла бы и промолчать. Выслушать с почтением, а не гадить в своем обычном стиле. Если не мешать сюжету, а благодарно следовать за ним – он выведет тебя к сияющим высотам. К сокровенным смыслам. К счастливому концу.

Вот теперь я узнаю ВПЗР! Ее метод работы над книгой. Усаживаясь за очередной опус, она не имеет никакого представления о его сюжете, наивно полагая, что кривая выведет. Всего-то и нужно, что отправная точка в виде героя-нехотата-лирического героя (человека с милыми странностями) и пара-тройка атмосферных деталей. Как ни странно, этот метод срабатывает. Хотя и не всегда. И тогда получаются совершенно провальные романы. Их немного, но они есть. И не дай бог сказать ВПЗР, что какой-то из ее романов – откровенное фуфлѐ не слишком удался. Четвертует. Распнет. Сожжет заживо. И еще три дня после казни не будет с тобой разговаривать.

Примечание: *Еще ни один роман ВПЗР не заканчивался*

хеппи-эндом, хотя бы условным. В самом конце героев ждет полная задница, хотя бы условная. Всем хреново – в большей или меньшей степени – и персонажам, и читателям. Хорошо только ВПЗР, получившей за очередную нетленку нехилый гонорар...

– И к чему был весь этот спич? – Мне хочется поскорее закончить и с гипотетическим шведом в гипотетической куртке, и с видениями ВПЗР.

– К тому, что нас ждет Талего, где случится все самое потрясающее в жизни!..

Единственный плюс шведского мачо состоит в том, что ВПЗР больше не пытается скрестить меня с Хесусом. Мы покидаем ресторанчик и отправляемся в гостиницу. Чтобы отдохнуть перед последним броском на юг. Вернее, отдыхать будет ВПЗР, которой нужно как следует выспаться и «привести в порядок эмоции перед встречей с благословенным Талего». Гостиница совсем крошечная, но ужасно демократичная (на ресепшоне, несмотря на поздний вечер, переходящий в ночь, сидит сам хозяин). Неоспоримое ее достоинство: здесь есть wi-fi, причем совершенно бесплатный!

Хотя в моем случае это, скорее, недостаток.

Все из-за неожиданно свалившегося на меня задания: скачать имеющиеся в открытом доступе альбомы певицы Чамбао для пополнения и без того немаленькой фонотеки ВПЗР (230 гигов!). Она, видите ли, в восторге от Чамбао и жаждет,

чтобы та была ее проводником по еще не написанной, но уже невыносимо испанской книге. Флейты с фисгармониями – побоку, да здравствует чистый вокал!..

Обнаружилось четыре альбома.

Три из них я качаю сейчас, но насколько затянется этот процесс, сказать сложно: скорость оставляет желать лучшего. Четвертый (последний по времени) выцепить не удалось, или я уже просто не соображаю, как именно искать. Или это требует дополнительных усилий, а усилия в данный момент (4.48 утра!) я могу тратить только на дневник...

Ну вот, свершилось – Чамбао у нас в руках!!!

На сегодня все.

Спокойной ночи и удачи!»

«11 января.

Спала 2,5 часа: все из-за Чамбао и – опосредованно – из-за дневника! Количество написанного за ночь текста ужаснуло – уж не графоманкой ли я становлюсь?

Не важно.

Важно, что зимний Талего оказался еще хуже летнего. И намного-намного хуже, чем рисовалось моему воображению. Опускаю подробности нашего марш-броска из Мадрида в Аликанте и из Аликанте в Санта-Полу. Ничего интересного в дороге не произошло, за исключением инцидента с диском Чамбао. За три пиратских альбома, стоивших мне бессонной ночи, я не удостоилась даже благодарности.

– Это все? —

спросила ВПЗР, подозрительно глядя на меня. И скорчила физиономию, какую обычно корчит, если знает о собеседнике какую-то маленькую грязную тайну. И готова тотчас же раскрыть ее — и ему и всем желающим.

– Ну да... Все, — пролепетала я, чуя подвох. — Все из имеющихся в наличии.

– Маленькая ложь рождает большое недоверие, Штирлиц... — Ввернув цитату из своего любимого фильма, ВПЗР ткнула пальцем мне в грудь. — Мне нужно не три альбома, а четыре. А как раз четвертый, самый лучший, ты и не достала. Зачем же говорить, что их вообще было три?

– О четвертом я понятия не имела.

– Как же не имела, когда он в жесткой ротации на местных радиостанциях?

Господи, и откуда только она все узнает? Интернет она терпеть не может, зомбоящик ненавидит, испанского не знает, в прослушивании местных радиостанций замечена не была, а певицу Чамбао даже не видела в глаза!

– Откуда вы знаете?

– Так... Навеяло. А диск придется купить. Кстати, называется он «Con Otro Aire»...

«КОН ОТРО АИРЕ» — старательно и врасяг произносит ВПЗР. Расстояние между словами — как от Питера до Мадрида, расстояние между буквами — как от Мадрида до Аликанте.

Примечание: Впрочем, для ВПЗР это никакие не буквы, никакие не слова, и смысла за ними уж точно нет. Так, набор звуков, которые издают диковинные животные (в данном случае – испанцы). Спроси ее, что означает «отро» – не скажет ни в жизнь. Она может триста раз написать «отро» и триста раз написать «иной», но связь между словом и его переводом не будет установлена никогда. За чужеродным «отро» ничего не просматривается – как за театральным задником. Как за рисованными фасадами-пустышками. С другими языками невозможно играть и укротить их невозможно – как диковинных (диких) животных. Можно лишь, – затратив колоссальные усилия, – на несколько шагов приблизиться к клетке с ними. Но ВПЗР и «трата усилий» – две вещи несовместные.

Тьфу ты, я опять отвлеклась на дурацкие обобщения!!!

Приснопамятный «Con Otro Aire» был-таки куплен мной в Аликанте, неподалеку от железнодорожного вокзала, в магазинчике «Audio-CD». Пришлось выложить за него 19 сэкономленных на чипсах и helado⁸ евро – и поделом, не лги работодателю, «маленькая ложь рождает большое недоверие», и все такое. ВПЗР сразу же отобрала у меня «Соп Otro...» и прижала к сиськам как самую большую драгоценность. И первое, что она сделала, когда мы погрузились в арендованный «сеат», – воткнула диск в магнитоу.

– Мне кажется, путешествие будет исключительным! – в

⁸ Мороженое (исп.).

очередной раз провозгласила она. – Я почти счастлива, Ти!..

Верить ВПЗР нельзя ни секунды. Просто потому, что для счастья или «почти счастья» ей необходимо огромное количество вещей, как правило – взаимоисключающих. Расстояние от Аликанте до Санта-Поли даже по испанским меркам ничтожно – это хороший повод для счастья, просто отличный. С другой стороны – к ней ведет однополосная трасса N-332. По ней можно проехать быстро, если нет машин. И тащиться бог весть сколько, если впереди окажется автобус или еще какая-нибудь тихоходная фиговина. Или целая группа фиговин. Плюс огромное количество вспомогательных съездов, плюс бесконечные круги, от которых в какой-то момент начинает просто подташнивать, – это уже никакое не счастье. А если счастье – то еврейское, сиречь – беда.

Как и следовало ожидать, сразу за развилкой на аэропорт мы попали в пробку. Совсем небольшую, но достаточную для того, чтобы ВПЗР вышла из берегов:

– Ну, чего там за затык? – через каждые тридцать секунд спрашивала она у меня.

– Понятия не имею. Вижу ровно столько, сколько и вы.

– Так пойди и узнай, что случилась!

– Предлагаете мне выйти? А если тронемся? Вы машину поведете с пассажирского места?

– Вечно с тобой в какую-нибудь херацию вляпаешься!..

Искать логику в словах ВПЗР бесполезно. Я и не ищу.

– Слушайте лучше свою Чамбао.

– Не указывай мне, что делать! Сама знаю.

Судя по всему, последний диск роскошной терпкоголозой Чамбао произвел на ВПЗР чуть меньшее впечатление, чем та рассчитывала. Оттого она и бесится – от неоправданных ожиданий, которые (вот суки!) никак не приближают ее к тотальному *felicidad*⁹. Хотя пора бы уже привыкнуть, что большинство ожиданий ВПЗР не оправдаются никогда: слишком страстно она ждет всего на свете. Слишком. Сама же я жду малости: чтобы человек по имени Сабас наконец-то снял трубку. Но пока его мобильный выдает лишь длинные гудки.

С этим чертовым Сабасом, владельцем катера из Санта-Полы, я списалась еще в Питере, на предмет морской прогулки на Талего. В один конец. Цена в 150 евро за двоих показалась мне вполне приемлемой и даже слегка заниженной. Сроки были детально оговорены и подтверждены заранее – и вот, пожалуйста: длинные гудки!

Честно говоря, я совершенно не ждала проблем с Сабасом. Потому что самая важная (как мне казалось) проблема – со съемом дома на Талего – решилась сама собой. Опять же – не без помощи Интернета. На одном из сайтов «SE VENDE. SE ALQUILER»¹⁰ обнаружился некто Игнасио Фариас, адвокат из Мадрида и владелец недвижимости на Талего по совместительству. Не то чтобы Игнасио сдавал дом постоян-

⁹ Счастье (*исп.*).

¹⁰ Продажа. Аренда (*исп.*).

но, но если русские проявили интерес к острову – он с удовольствием предоставит жилище для «la escritora rusa»¹¹ и ее агента. Он и сам пописывал в ранней юности, и даже водил дружбу с Карлосом-Руисом Зафоном, самым популярным на сегодняшний день испанским писателем, «он уже и в Америке издается большими тиражами, а ваша писательница издается в Америке? Нет? Не переживайте, все впереди».

Я и не переживаю. Пускай ВПЗР переживает с ее неумной жадой всемирной и безоговорочной славы.

В письмах Игнасио выглядел милейшим человеком. Глубоко порядочным и не каким-нибудь рвачом. Таким, впрочем, он оказался и в реальности, когда мы встретились с ним в кафе, на вокзале Чамартин, за сорок пять минут до отхода поезда Мадрид – Аликанте.

Игнасио – самый настоящий красавчик. Выхоленный и хорошо упакованный: в дорогом костюме, в дорогом пальто, в дорогом кашне. С маникюром и перстнем-печаткой на мизинце. «Фат», – говорит про таких мужиков ВПЗР, и это – самое щадящее из определений. Я бы назвала его метросексуалом, но... Для метросексуала он чересчур прост в общении и чересчур расположен к людям. Вот и к нам с ВПЗР он бросился с распростертыми объятиями. В самом прямом смысле этого слова: обнял меня, как старую знакомую, и расцеловал в обе щеки. Но на «la escritora rusa» пороку у него уже не хватило. Игнасио ограничился почтительным поклоном в

¹¹ Русской писательницы (*исп.*).

сторону ВПЗР, сидевшей с таким неприступным видом, что сразу становилось ясно: на кривой козе к ней не подъедешь. На прямой, впрочем, тоже. Разве что придется вызывать бронированный джип из администрации президента.

– Очень серьезная, – шепнул Игнасио, передавая мне ключи от дома на Талего.

– Очень талантливая, – шепнула я, передавая ему конверт с деньгами за аренду. – Как раз сейчас обдумывает сюжет нового романа. И никого вокруг не замечает.

– А ее книги уже переведены на испанский?

– Мы как раз работаем в этом направлении...

– Давайте работать вместе!

Интересно, каким образом?

– У меня есть хорошие приятели в издательском бизнесе. – Игнасио как будто прочел мои мысли. – И я мог бы поспособствовать...

– Предложение заманчивое...

– И не беспочвенное, Тина. Вы позволите называть вас Тина?

– Конечно...

– Хотелось бы снова увидеться с вами и обсудить все детально. Жаль, что сейчас нет времени! Вы уезжаете...

– Через сорок пять минут поезд. Уже через сорок...

– А я только вчера вечером вернулся в Мадрид. Но обещаю, что свяжусь со мной, когда вернетесь. Я бы... очень хотел увидеть вас снова! Может быть – поужинать...

Уж не склеивает ли он меня? Да нет, не похоже! Интерес для метросексуалов я никогда не представляла, тем более для метросексуалов за сорок. Так и есть, ему за сорок, и это полновесные «за сорок», ни капли моложавости. Представить его в куртке с капюшоном и свитере грубой вязки, предсказанных ВПЗР, невозможно. Так что – прочь глупые мыслишки! Прочь, но... Не мешало бы их проверить, прежде чем изгнать из головы. Не мешало бы узнать кое-что о расплывчатом местоимении «вас»: относится ли оно только ко мне или – к нам обеим.

– С удовольствием поужинаю с вами... – говорю я, глядя Игнасио прямо в глаза.

Сам же Игнасио пялится на ВПЗР. Самым беспардонным образом.

– А писательница... сможет составить нам компанию? Если, конечно, не будет погружена в свой роман?

– Она всегда погружена в свои романы... —

черт его знает почему, но откровенное глазение мадридского смазливца на русскую растрепу не слишком нравится мне. Проще всего списать это на особенности испанского национального характера. Ведь давно известно, что испанцы испытывают почтение и даже некоторый трепет перед представителями творческих профессий. Или профессий, которые кажутся им таковыми. Но Игнасио меньше всего похож сейчас на типичного представителя своего народа. Он похож на мужчину, которому неожиданно понравилась

женщина в толпе. В полупустой кондитерской, на засыпанной снегом автобусной остановке, на эскалаторе метро (хотя преуспевающие адвокаты вряд ли ездят в метро). Женщина понравилась ему неожиданно, вопреки собственной воле. Обычно ему нравятся другие женщины, девушки, это совсем не его тип, – и вот, пожалуйста... Случилось то, что случилось. Много лет назад такое же несчастье постигло Катушкина, но Игнасио – не простак Катушкин. И взгляд его не имеет ничего общего с катушкинским собачьим взглядом: это опасный взгляд. Приглашающий к войне. Все мои ухажиры были плохими воинами, слишком ленивыми, чтобы вести бои, чтобы махать мулетой перед объектом квелой страсти. Их сомнительные бойцовые качества до сих пор уравнивались унылой фигурой Катушкина, маячившей за спиной ВПЗР, и мы с ней были вроде бы как на равных. Теперь же...

Я не ревную Игнасио к ВПЗР, нет!

И я никогда бы не могла увлечься им, даже при близком знакомстве, вот если бы отобрать этот взгляд, поддеть ножом и выковырять из глазниц... И вручить его какому-нибудь парню не старше тридцати, желательно – вменяемому, великодушному, высокодуховному и высокооплачиваемому... почему я вдруг подумала о ноже? Отголоски опасного взгляда, только и всего. Он направлен на беспринципного и аморального фрика и относительно меня проходит по касательной, – тем не менее я чувствую легкое покалывание в области

ключиц. Такой взгляд мог бы сразить наповал любую женщину – но только не фрика. Беспринципного, аморального – и толстокожего.

– Но ведь бывают и перерывы? Между романами?

– Бывают, но недолгие. И не факт, что этот перерыв совпадет с нашим пребыванием в Испании...

– Я уверен, что совпадет. Не может не совпасть. Вы ведь возвращаетесь через Мадрид?

– Скорее всего...

– Замечательно. Дайте мне знать – и мы обязательно встретимся, в каком-нибудь милом ресторанчике, где все по-домашнему... И вы поделитесь своими впечатлениями об острове. Мне бы хотелось, чтобы он понравился вашей спутнице. – Тут Игнасио запоздало вспоминает о галантности и добавляет: – И конечно же, вам, Тина.

– Конечно, – иронически хмыкаю я.

– Надеюсь, что Талего подарит ей сюжет... Я очень его люблю. Он не похож ни на одно место в мире... Люди, которые там живут, поначалу покажутся вам немного неприветливыми. И даже грубыми. Но у них золотые сердца, поверьте. Просто скажите им, что вы – мои давние друзья...

Игнасио Фариас, хитрая лисица!

Тебе просто не хочется платить налог за сданный в аренду дом, но ты боишься, что «золотые сердца» заложат тебя с потрохами и не поморщатся. Так что вариант с давними друзьями в этой ситуации – самый надежный.

– Я надеюсь, что мы станем друзьями. Добрыми друзьями. А со временем – и давними.

– Конечно.

– Третий дом по левой стороне улицы, если идти с пристани. Белый фасад, синие ставни, на двери – почтовый ящик. Под ним – женская рука из бронзы, вещь совсем нелишняя: используется вместо звонка. Вы не забыли, как называется дом?

– Э-э... «Дом с чайной розой на окне».

– Никакой чайной розы, естественно, нет. Я слишком редко там бываю, чтобы поддерживать существование цветов. Но дом должны были подготовить к вашему приезду. Вы найдете там все, что необходимо.

– Спасибо, Игнасио. Большое спасибо.

– Значит, я беру с вас обещание проявиться, как только вы вернетесь?

– Я обещаю...

После того как Игнасио откланялся и отчалил в свою мадридскую жизнь, я выслушала кучу язвительных замечаний от ВПЗР. С чего бы это нам было так обжиматься с незнакомым хлыщом? Со старпёром (кто бы говорил!), прохвостом в кашне, сластолюбцем и педофилом – она таких насквозь видит! А может, не такой уж он незнакомый? Может, я полгода занималась с ним виртуальным сексом, сидела в ICQ и в чатах для дрович со стажем – тьфу, мерзость!.. Весь этот поток мутной словесной жижи напрочь отбил у меня жела-

ние рассказать о том, что Игнасио запал на «la escritora rusa» и жаждет повторной встречи. И каждый раз, когда подобное желание появлялось, я тут же вспоминала, какой сукой была ВПЗР по отношению ко мне и моим собственным ухажерам.

Я имею право на пропорциональный ответ, вот так!

Это право прописано в любой военной доктрине любого государства, а я ничуть не хуже какого-то там государства, даже лучше. И я лучше ВПЗР, во всяком случае – благороднее. Это только ее раздражает сама мысль о том, что какому-то случайному человеку она может понравиться меньше, чем я, ведь она number 1, а все остальные пусть сгинут и сгорят в аду.

– Мерзость, – еще раз повторила ВПЗР.

– Вы о чем?

– О том, как этот тип раздевал тебя глазами. Наверняка уже успели договориться о встрече?

– Он проявил простую человеческую любезность, вот и все.

– Теперь это называется любезностью? «Будьте любезны, снимите с меня трусики?» – так?

– Примерно, – выпалила я, устав сражаться с неадекватом. – Вы правы. Как в воду глядите. А еще мы занимались виртуальным сексом. Целых полгода.

Реакция ВПЗР оказалась еще более неадекватной, чем я рассчитывала. Она моментально бросила брюзжать и даже проявила заинтересованность.

- Что же ты мне раньше не сказала? И как оно?
- Башню сносит капитально.
- Что, правда?
- А вы сами попробуйте. Но тут главное – не подсесть.
- Ты же знаешь, я ненавижу Интернет...
- Никто и не призывает его любить. Просто отнеситесь к нему как к средству для достижения цели.
- А цель у нас что? В виртуальном сексе, я имею в виду...
- Что и в обычном. Оргазм, что же еще.
- И его можно получить?
- Это слишком интимный вопрос. Так что – ноу комментс.

Я ждала, что ВПЗР выскажется в своем обычном духе – насчет того, что самое эрогенное место у нее мозггггг, но она молчала. Очевидно, обдумывала возможности, которые открывал перед ней виртуальный секс. С ее поклонением Сло-ву это может получиться даже забавно.

А вот проблема с Сабасом к разряду забавных не относится. Кретин с катером (вернее, отсутствие кретина с катером) несколько удлиняет путь на уже оплаченный Талего. Обламывает радость в самом ее зародыше. И сказать об обломе ВПЗР не представляется возможным: она тотчас же впадет в клинч и обвинит меня во всех смертных грехах, самым невинным из которых будет грех непрофессионализма. А к овечьему поголовью прибавится еще одна эксцентричная овца. Конечно, до денежного штрафа за моральный ущерб дело

не дойдет, но некоторое поражение в правах мне обеспечено.

Нет уж, лучше пусть будет пробка! Вечная пробка!..

Стоило мне только пожелать этого, как пробка рассосалась сама собой. И через десять минут мы уже въезжали в Санта-Полу.

Ситуация с мерзавцем Сабасом тоже стала ясной до кристальности: если до сих пор ответом мне были длинные гудки, то теперь робот из сотовой компании «уого» женским голосом сообщил, что абонент находится вне зоны доступа.

Скрывать от ВПЗР факт гигантского пролета дальше не имело смысла.

– У нас возникли форс-мажорные обстоятельства, – осторожно сказала я, когда мы подрулили к набережной.

– Какого рода?

– Э-э... Человек, который должен был везти нас на Талего... Словом, он не отвечает на мои звонки. Куда-то подевался, сукин сын. Пропал.

Вывалив одним махом страшную правду, я стала ждать реакции ВПЗР. Вернее, окончания реакции, поскольку на любой форс-мажор она реагирует достаточно однотипно: устраивает истерику. Интенсивность истерики я привыкла измерять по шкале Рихтера. Сейчас она точно потянет баллов на 10–11 – со всеми вытекающими в виде полного разрушения инфраструктуры и частичного разрушения природного ландшафта (человеческие жертвы учету не поддаются).

– Как это – пропал? – голосом, не предвещающим ничего

хорошего, спросила у меня ВПЗР.

– Понятия не имею. Разговаривала с ним вчера вечером, он подтвердил, что будет ждать нас на пристани. И даже название катера сообщил – «Байена»¹²...

– Да плевать на название!.. Просто объясни мне, что значит – пропал? Украден инопланетянами, что ли?

– Не знаю. Может быть.

– А может, он скоропостижно скончался? Был насмерть сбит мусоровозом? Отравился колбасой?

– Может.

– Ты издеваешься?!

– И не думала.

Ну вот, началось: ВПЗР как ненормальная принимается дергать за ручник и попеременно стучаться головой то о приборную панель, то в стекло пассажирской двери. Ритм, как и следовало ожидать, две четверти. Самба, румба, пасадобль. А по окончании обязательной программы последует раздел моей несчастной тушки.

Тут и к гадалке не ходи.

– Вообще-то машина арендованная, – меланхолично замечаю я. – Не хотелось бы, чтобы вы ее развалили. Неустойки в Испании чудовищные – вовек за нее не расплатимся.

– Расплатимся! – ВПЗР швыряет в меня первым, что подвернулось под руку, – коробкой от диска «Con Otro Aire».

Совсем не больно, но унижительно. Хотя... Немножко все-

¹² Ballena (исп.) – кит.

таки больно. Будет ли конец вэпэээровским бесчинствам? Нет, если его не положу я сама. А сейчас – самое время.

Не говоря ни слова, я покидаю «сеат» и останавливаюсь метрах в трех от него: покурить. Самое главное – не смотреть в сторону раскачиваемой ВПЗР машины. Даже если она вынесет лобовое или с корнем вырвет рулевую колонку – я не пошевелюсь.

Полный игнор.

К полному игнору я прибегаю довольно редко, а жаль. Приемчик этот имеет вполне актуальное название «марш несогласных» и действует на ВПЗР отрезвляюще. Если вообще что-то способно подействовать на ВПЗР отрезвляюще.

Минуты через три машина перестает трястись, а еще через две раздается сигнал клаксона. И – с небольшим временным промежутком – еще один и еще. Я выбрасываю докуренную почти до фильтра сигарету и оборачиваюсь: сквозь стекла хорошо просматриваются внутренности «сеата» и отчаянно артикулирующая ВПЗР. Она занимается своим любимым делом: выпускает изо рта овец. Салон наверняка уже переполнен ими. Интересно было бы послушать, какого эпитета я удостоилась на этот раз.

Да нет, совсем неинтересно.

– Успокоились? – спрашиваю я, открывая дверь. – Давайте не впадать в нигилизм, а решать проблемы по мере их поступления.

– С какой стати я должна решать проблемы, которые не

решила ты? Так и знала, что в самый последний момент ты меня подставишь! Ты же меня без ножа зарезала, овца! И не просто овца, а овца-беспредельщица, двоюродная сестра Джека-потрошителя по материнской линии!

– А он тоже был овцой?

– Лучше молчи, Ти!..

«Ти» – хороший знак, означающий, что ярость ВПЗР пошла на спад.

– Ничего трагического не произошло, уверяю вас. Никто не застрахован от подобных ситуаций...

– Генсек ООН застрахован. И президенты стран «Большой восьмерки» застрахованы. И баба, написавшая про Гарри Поттера...

Дались же ВПЗР Гарри Поттер и его создательница! Если бы только она узнала, что в моем чемодане лежат последние две книги «поттерианы»... Шкалу Рихтера пришлось бы расширять до 60 баллов! А это – смещение земного ядра, выплеск магмы на поверхность и внеплановая подвижка материков. Словом, конец света, который ВПЗР ждет только в 2012 году. Не исключено, что она сама его и спровоцирует.

– Ну... Они не застрахованы от каких-то других вещей. Вдруг ООН развалится? Вдруг «Большая восьмерка» распадется?

– А с бабой? Что может случиться с бабой? – Глаза ВПЗР горят кроважидным огнем.

– Вы же писатель, не я. Задействуйте воображение.

– Тебе тоже не мешает задействовать воображение. Чтобы быстренько сочинить, как нам добраться до Талего.

Вот и у меня появился шанс отыгаться за все!

– Честно говоря, я бы на вашем месте призадумалась.

– О чем?

– Стоит ли вообще ехать на Талего, если путешествие начинается таким вот образом...

– Каким? – ВПЗР начинает проявлять первые признаки беспокойства.

– А никаким. По-моему, это знак. Судьба оберегает нас от чего-то, вот и подсовывает преграды. Вам не кажется?

– Не говори глупостей! Тоже мне – преграда! Катера на месте не оказалось!.. Да здесь полно других катеров! Ты только посмотри...

К причалу на набережной и вправду пришвартованы пара десятков катеров, яхт и лодчонок. Но не факт, что их владельцы находятся на борту. И далеко не факт, что кто-то из них согласится отвезти нас на Талего. А если и согласится, то неизвестно, какую цену заломит. Но самое главное – мне совершенно не хочется ехать туда. И дело даже не в том, что перспектива провести весьма продолжительное время вдали от цивилизации выглядит удручающей сама по себе. А в том, что...

Вот черт! Я не знаю в чем... Просто не хочу ехать туда, и все.

– Не уверена, что получится договориться с кем-нибудь

другим...

– У тебя получится, Ти. Ты такая обаяшка, такая сексапилька! Тебе никто не в силах отказать... Ну пожалуйста... Будь добренькой, Ти.

Бисквитный Лулу, герой Первой мировой, снова с нами, будто и не уходил никуда. О, Лулу, mon amour, как же ты меня заколебал!..

– Хорошо, – соглашаюсь я, стараясь не глядеть на сверкающую ослепительным светом медаль «От благодарной Франции». – Попробую... быть добренькой.

Чтобы ВПЗР не путалась под ногами и не мешала мне «быть добренькой», я устраиваю ее за столиком ближайшего кафе и заказываю ей bombón¹³: сама она не в силах сделать даже такой элементарной вещи. То есть, если бы от этого зависела жизнь, ВПЗР разродилась бы на заказ и вспомнила все слова – не только испанские. Но, пока ее жизни ничто не угрожает, можно не прикладывать никаких усилий. А двигаться к светлому будущему, исключительно сидя на моем горбу. Или на чьем-нибудь другом горбу, не важно. Была бы ВПЗР – а горб всегда найдется!..

Прежде чем начать охоту на идиота, согласившегося бы отвезти двух других идиотов на идиотский остров, я все-таки пытаюсь отыскать среди скопления катеров катер «Ballena». Но нахожу только яхту «Ballesta», две лодки с мотором – «Vabel» и «Babul», а также что-то вроде морского

¹³ Кофе со сгущенкой (исп.).

такси с поэтическим названием «Pilar-44». «Пилар» украшена кучей рекламных щитов (кола, подгузники, подшипники, супермаркет «Mercadona»). Между высокохудожественной колой и такими же высокохудожественными подгузниками затесалась фанерка со сделанными от руки надписями.

SANTA POLA – Alicante

Tabarca

Guardamar del Segura

Torre Vieja

San Pedro del Pinatar

Все это (за исключением Табарки) – приморские городки, разбросанные по побережью от Аликанте и почти до Картахены. До них, с гораздо большим удобством и экономией времени, можно добраться и по трассе. До Талего по трассе не доберешься, но о нем – ни одного упоминания, как будто его не существует вовсе!

О, если бы это было так!

Это не так.

Из всех пришвартованных к причалу посудин «Пилар-44» – с ее дешевыми рекламными щитами и облупившейся обшивкой – выглядит наименее привлекательно. Куда приятнее было бы выйти в море на яхте «Ballesta» или на другой яхте – «Santa Cruz», но выбирать не приходится: на них никого нет. Никого нет и на «Пилар», и я уже собираюсь выдохнуть и вернуться к ВПЗР с печальной новостью о невозможности Талего, хотя бы в ближайшие часы. Но тут

кто-то аккуратно касается рукава моей куртки:

– Сеньорита интересуется морскими прогулками?..

Только ненормальный может интересоваться морскими прогулками в январе – наверное, я произвожу впечатление ненормальной. Я и есть ненормальная. Единственное, что меня извиняет: моя работодательница еще большее невменяемо. Самый настоящий ebanat кальция!

– Морскими прогулками? Что-то вроде того...

Мужичонке, который задал мне вопрос, лет шестьдесят.

И на человека романтической профессии он не похож. А похож на представителя ублюдочного племени мужчин острова Талего: та же цыганистая физиономия, те же бегающие глазки мошенника средней руки, тот же лживый рот и такие же хорошо разработанные за годы сезонного кидалова мимические морщины.

– Вообще-то я ищу человека по имени Сабас... Вы его не знаете?

– А зачем вам Сабас? – вопросом на вопрос отвечает мужичонка.

– У нас была договоренность... Он должен был отвезти нас на Талего. Как раз сегодня днем.

– Как раз сегодня утром он кое-куда отправился... Вы не испанка.

– Нет.

Как будто и так неясно! Зато мужичонка – типичный испанец. Из тех южных испанцев, в разговоре с которыми ни-

когда не добиться истины, никогда не дойти до сути, никогда не получить ответа на конкретно поставленный вопрос. То есть какое-то подобие ответа ты все-таки получишь – в самом конце часовой беседы (а она вполне могла уложиться в три минуты). И не факт, что этот ответ будет именно на твой вопрос. Скорее – на его собственный вопрос относительно тебя. Или не тебя, а черт знает кого. А между вопросом и ответом, который тебе совершенно не нужен, ты выслушаешь кучу бесполезной информации относительно семьи и родственников (включая семиюродную тетку из Гватемалы и тринадцать ее детей); прошлогоднего снега в Мадриде, прошлогоднего урагана под Барселоной (крыши там срывало – будь здоров!), умника Сапатеро, приведшего к коллапсу экономику страны. И много чего другого, необходимого тебе как прошлогодний снег в Мадриде...

– Вы – русская! – довольно хохочет мужичонка, дергая себя за нос. – Красавица!..

«Русья» и «гуапа» – примерно так это выглядит на языке оригинала.

– Да, – скромно соглашаюсь я. – Русья. Гуапа.

Такова участь русских – их узнают везде и в любых ракурсах. Это только блаженная ВПЗР полагает, что похожа на взаимоисключающих немку/швейцарку/австриячку/португалку/гречанку времен Перикла... И вообще – на актрису Ханну Шигуллу в ее молодые годы, до всех пластических операций.

Примечание: Ни капли не похожа, хотя и красит волосы в рыжий цвет. Хотя и считает, что в свои 44 выглядит как Ханна Шигулла в 33... Нет, в 27. 27 – цифра, на которой ВПЗР буквально заиклилась. «А сколько ты бы мне дала?» – не устает спрашивать она. И попробуй скажи, что не 27! Уроет!..

Примечание к примечанию: Крашу волосы ВПЗР исключительно я – и эта дополнительная услуга (как и многие другие дополнительные услуги) не оплачивается. «Для чего еще существуют лиагенты, как не для того, чтобы красить мне волосы?» – полагает ВПЗР. До меня это всегда делал Катушкин, до Катушкина – второй муж и одна из его любовниц, затем – первый муж, еще раньше – катушкинская мамахен, и (не исключено) – что и кот Шурик. В список красильщиков (красителей?) можно внести также вэпэээровского редактора Лорика, дочь Лорика Маниюню и подружку Маниюни – лагерную сучку Перельман. Однажды лагерная сучка Перельман ошиблась цветом, и ВПЗР целый месяц ходила с красной головой.

Я подобных проколов не допускаю. А так иногда хочется подгадить... Сил нет!

Что же касается 27 и 44... На сорок четыре ВПЗР не выглядит, на двадцать семь – тоже. Возраст Бисквитного Лулу – самый подходящий для нее. Ха-ха! А первую пластику (выдаю страшную тайну!) она собралась делать в 50. Сильно надеюсь, что меня уже не будет рядом. Если, конеч-

но, она не напишет Книгу...

Мужичонка даже не собирается отлипнуть.

– Сабас, паршивец! Он и словом не обмолвился, что у него есть знакомая русская! А ведь мы близкие друзья. Вы тоже – близкие друзья?

– Ближе некуда. Особенно если учесть, что я в глаза его не видела.

– И напрасно. Сабас очень приятный молодой человек и завидный жених. Тут вам любой это подтвердит.

– Да мне все равно. Единственное, что от него требовалось, – довезти нас до Талего.

– И много «вас»?

– Двое. Я и м-м... моя подруга.

– Такая же гуапа?

– Примерно. Может быть, вам известно, когда вернется Сабас?

– Никто не знает, когда Сабас уезжает и когда возвращается. Это же Сабас!..

– А есть здесь кто-нибудь... более предсказуемый? Кто смог бы помочь нам?

– Думаю, такой человек найдется. Старина Фернандо-Рамон, к примеру. На старину Фернандо-Рамона всегда можно положиться с легким сердцем. Он – мужчина многоопытный, всю жизнь провел в море и скатать вас на Талего... за умеренную плату... для него не вопрос.

– Отлично. И как мне добраться до этого волшебного Фернандо-Рамона?

– Считайте, что уже добрались, сеньорита. Фернандо-Рамон – это я.

Меньше всего я хотела бы видеть плюгаша Фернандо-Рамона в качестве перевозчика, но особо выбирать не приходится. Оставалась надежда, что он – владелец яхты «Ballesta» (это бы несколько примирило меня с действительностью), но... Как и следовало ожидать, Фернандо-Рамону принадлежала старая калоша «Пилар-44» со всеми ее подгузниками и подшипниками. Причем за малый каботаж на этой калоше хитрый мужичонка поначалу залудил целых триста евро.

– Не многовато ли? – стараясь не впасть в клинч, отдаленно напоминающий вэпэзээровский, поинтересовалась я. – Это как три раза в Мадрид съездить. И столько же раз вернуться.

– Цена верная, – заюлил Фернандо-Рамон. – Ни один дурак не повезет вас зимой на Талего за меньшие деньги.

– А с Сабасом мы сговорились за сто... – Задним числом я сняла с обманщика Сабаса 50 евро – за напрасные ожидания.

– Быть того не может!

– Еще как может.

– Будете ждать Сабаса? Не имеет смысла, сразу вам говорю. Сабас – вольная птица, он может и через полчаса вернуться. А может и завтра. И через три дня. Вдруг он вообще

отправился к своей подружке в Бенидорм... У него их две – одна в Картахене, а другая как раз в Бенидорме. А Бенидорм – это та-акое место... Там можно на неделю пропасть. Особенно если ты молодой человек и у тебя есть подружка... Так будете ждать Сабаса или все-таки остановитесь на старине Фернандо-Рамоне?

– Триста евро – это чересчур. А в общем, приятно было познакомиться с вами, Фернандо-Рамон...

– Подумайте хорошенько...

– Уже подумала. Всего хорошего. Алуэ¹⁴...

Триста евро! Тоже, нашел дурочку!.. Все, что мне остается, – морально давить на старину Фернандо, если уж никакого другого старины поблизости не оказалось. Это намного легче, чем давить на отморозков-издателей: ремесло, которым я за пять лет овладела в совершенстве. Всего-то и надо (алуэ-алуэ-алуэ!) развернуться на сто восемьдесят градусов и сделать несколько шагов. Шаги можно даже посчитать, предварительно заключив пари с самой собой: на каком именно Фернандо-Рамон одумается и бросится хватать за хвост ускользающую выгоду. Я вываливаю на кон пятнадцать, но Фернандо догоняет меня уже на десятом.

– Эй, красotka! Может, договоримся?

– Сто, – говорю я, не оборачиваясь.

– Сто пятьдесят. И я завожу мотор.

– Сто.

¹⁴ Сокращенно от *hasta luego!* (исп.) – до встречи!

– Сто двадцать. И напитки.

– Сто и ни центом больше.

– Ладно, по рукам, – ломается близкий друг обманщика Сабаса. – Другого ни за что бы не повез, но такую красотку...

Эх, Фернандо-Рамон, не быть тебе издателем!..

Встреча ВПЗР и «Пилар-44» прошла намного лучше, чем я предполагала.

– Миленько, – сказала она, скользнув взглядом по рекламным щитам и двум выцветшим флагам на корме – испанскому и валенсийскому.

– Не «Титаник», конечно...

– Типун тебе на язык!.. А ты предупредила нашего кормчего, что на борту у него будет известная русская писательница?

– Еще не успела.

– Напрасно.

– Я только боюсь, как бы у нашего... э-э... кормчего крышу не снесло от такого известия. Вдруг сознание потеряет – что тогда будем делать посреди моря?

То, что меня жутко раздражает в ВПЗР: она хвастается своим ремеслом, как семилетний ребенок хвастался бы несуществующим старшим братом: ща-а как придет, как надает вам по рогам – будете знать! И лучше вам не связываться со мной, так-то!..

Она – писатель (и все должны падать ниц).

Она – писатель (и все должны тянуть к ней руки, не под-

нимая при этом глаз на венценосную).

Она – писатель (и все лучшее в этой жизни должно доставаться именно ей и доставаться бесплатно).

Что может разубедить ее: это не совсем так совсем не так? Человек, событие, стечение обстоятельств, способное раз и навсегда выбить дурь из ее башки? Но до сих пор не нашлось ни человека, ни события, ни стечения обстоятельств. Иногда я страстно желаю, чтобы она влюбилась. И влюбилась безответно, если вообще можно испытывать такие страсти в сорок четыре. Чтобы стала уязвимой, беззащитной – но не как Бисквитный Лулу, а как простая женщина. Не эксцентричная, не эпатажная, не-писательница, не-конь с яйцами. Как самая обыкновенная баба...

Примечание: Этого никогда не произойдет. Чем больше я наблюдаю за ней, тем больше убеждаюсь в этом. Да и как ей влюбиться, если она уже давно и безнадежно влюблена в саму себя?..

Минут через пятнадцать после отплытия я, подпихиваемая в бок ВПЗР, таки сообщила старине Фернандо-Рамону, что он везет на Талего не просто среднестатистическую «гуапу», а «известную русскую писательницу». Фернандо встретил это известие радостным шевелением бровей, цоканьем языка и предложением выпить за культуру вообще и за литературу в частности. Впрочем, выпили бы мы и так: холодина на «Пилар» была та еще, ничего другого от январско-

го, хотя и Средиземного, моря ожидать не приходилось. Старина Фернандо выдал нам пластиковые стаканчики и плеснул в них «орухи» – испанского самогона, вполне легально продающегося в любом супермаркете по девять евро за бутылку. ВПЗР нашла «оруху» восхитительной и совершенно идентичной самогону, который пила на Алтае, в экспедиции по поиску знаменитой Укокской Принцессы, – в ней она тоже якобы участвовала. Странно, что такое эпохальное событие не нашло отражения ни в одной из ее книг, переполненных гораздо менее значимыми – с точки зрения вечности – вещами.

Сгинувший бесследно подлец Сабас почему-то волнует меня.

Конечно, не сам по себе. Не как вольная птица. Не как молодой человек, морочащий голову двум дамочкам из Картахены и Бенидорма (их остается только пожалеть). А как преступник, ускользнувший от возмездия. Как редкостная скотина, кое-что пообещавшая, но так и не сделавшая. При встрече, если она когда-нибудь случится, я обязательно выскажу все, что думаю о нем. Тем более теперь я знаю, как он выглядит. К ветровому стеклу катера прикреплена фотокарточка: старина Фернандо-Рамон (в той же куртке, которая сейчас на нем) и парень с голым торсом, отдаленно напоминающий актера Хавьера Бардема. Сходство неявное и даже не совсем внешнее. То есть, если бы утонченный Хавьер Бар-

дем играл *homme à femmes*¹⁵ в совместной испано-французской постановке, оно было бы сильнее. А на фотографии как раз и запечатлен типичный бабник. Чмо, страдающее нарциссизмом и способное отсосать само у себя, так сильно оно себя любит. На шее у чмо болтается золотая цепочка и парочка подвесок на кожаных шнурах. Такой же шнурок обвивает правое запястье. У чмо в меру накачанные руки, хорошо развитый плечевой пояс и лицо модели, рекламирующей трусы «Calvin Clain».

Это чмо и есть Сабас.

– Он круглый год так ходит? – спрашиваю я у старины Фернандо.

– Как?

– Без рубашки. И всего остального.

– Нравится, да? Оно и верно – есть на что посмотреть. Я сам был таким молодцом лет тридцать пять назад. Встретились бы мы с вами тогда...

К альтернативной истории я равнодушна.

А старина Фернандо и вправду преуспел в своем ремесле: он ловко выводит «Пилар» из-под больших (очень больших!) волн, не переставая при этом болтать. Теперь, благодаря Фернандо-Рамону, я знаю о Талего гораздо больше, чем знала, вступив на борт его корыта:

– зимой это самое неприятное место в радиусе 200 километров. А проще говоря – задница. И на этой заднице посто-

¹⁵ Бабник (*фр.*).

янно возникают свищи из-за бесконечных, непонятно откуда дующих ветров;

– конечно, ветра там непостоянные, иногда случаются и затишья, но о таких затишьях старина Фернандо что-то не слышал;

– живут там одни гиены, способные вырвать кусок у тебя изо рта и потом продать его тебе же втридорога. Единственное, что утешает: небольшое поголовье гиен;

– и раньше случались сумасшедшие, желающие провести зиму на Талего. Но никто дольше недели там не задержался;

– филиал валенсийского океанариума никогда и не работал толком, и в реставрацию собора не было вложено ни евро, а до перехода на евро – ни песеты.

На этом пункте Фернандо-Рамон зависает дольше, чем на остальных: переход с песет на евро до сих пор не дает ему покоя. Как же хорошо было в песетные времена, вся Испания жила шоколадно, а с проклятым евро все разом просели. И кто только его выдумал, проклятый евро?!

Мне стоит больших трудов вернуть старину Фернандо в русло конструктивной беседы:

– А почему не работает океанариум?

Точная причина Фернандо-Рамону неизвестна. Вроде бы аквариумы были смонтированы не по правилам, и первая группа рыб погибла, а на вторую у устроителей не хватило денег. Но существует вероятность того, что рыбы погибли не в аквариумах, а при перевозке.

– Утонули? – спрашиваю я.

– Черт его знает... Может, и утонули.

– И ни одна международная организация не вмешалась?

Не создала фонд помощи?

Может, и создавала, Фернандо-Рамон не в курсе. И вообще, судьба утонувших рыб волнует его гораздо меньше, чем судьба крякнувшейся песеты.

Из гиен, что окопались на острове, старина Фернандо лично знаком лишь с двумя: Анхелем-Эусебио и Маноло. Анхель-Эусебио – владелец сувенирной лавки, а Маноло – его помощник. С Анхелем-Эусебио надо держать ухо востро, тот еще деятель: в позапрошлом году недоплатил старине Фернандо тридцать пять евро за перевозку товаров, и старина Фернандо больше с ним не связывается. А Маноло – просто недотепа, только то и делает, что смотрит в рот своему хозяину.

Об остальных гиенах Фернандо-Рамон наслышан и даже несколько раз видел издали, но представлен им не был. Знает только, что старуха Майтэ и ее сын держат кафе, но сын уехал в Мадрид. Он каждую зиму уезжает в Мадрид, эта – не исключение, как раз Сабас и отвез его на материк месяц назад. А некий тип по имени Курро в прошлом был актером. Что актер, хоть и бывший, забыл на Талего – большая загадка. У Курро есть брат Кико. У несчастного Кико не все в порядке с головой, но никакой опасности для окружающих он не представляет. Безобиднейшее существо. Относитель-

но прочих Фернандо-Рамон опять же не в курсе. Да и есть ли они – прочие? Может быть, уже давно разбежались. И возвращаются только в начале лета, когда открывается туристический сезон. А зимой на Талего делать нечего.

Гиблое место.

«Ун лугар дэ пердисьон» – примерно так это выглядит на языке оригинала.

Ничего, ласкающего ухо, в подобном сочетании звуков нет.

Единственное, что дает мне надежду на недолгое пребывание на Талего, гребаном острове, – пример других сумасшедших. Говоришь, неделя от силы, Фернандо-Рамон? Нет, все ужметса дней до трех, максимум – пяти! ВПЗР, конечно, тоже часто бывает не в себе (еще как бывает!), но... В том, что касается собственного комфорта, она более чем нормальна. Любая, даже крошечная бытовая неурядица становится причиной нытья, ярости и бегства (порядок может быть иным – суть не меняется!).

Мы свалим с Талего через пять дней, самое время заключить пари с самой собой. На пятьдесят сэкономленных на старине Фернандо евро.

ВПЗР в нашей оживленной беседе с владельцем «Пилар» не участвует – как человек, не владеющий языком аборигенов. Она сидит на корме, под флагами – нахохлившаяся и завернутая в выданное Фернандо-Рамоном одеяло. Если бы флаги были из шерсти – она сорвала бы и их и укуталась,

чтобы согреться: ничего святого для нее нет. Кроме драгоценной себя, разумеется. Лицо ВПЗР мокро от брызг, губы выгнулись в скобку уголками вниз – и при этом чуть заметно шевелятся. То ли она подпевает какой-то песне, льющейся из вечных наушников, то ли повторяет про себя ругательства. как широко известные, так и придуманные ею специально для данного конкретного случая.

Я склоняюсь ко второму и мысленно повышаю ставку с пятидесяти евро до ста английских фунтов. А ВПЗР тем временем подманивает меня пальцем.

– Долго нам еще тут болтаться, как говну в проруби? – недовольным голосом спрашивает она, когда я усаживаюсь рядом с ней.

– Минут сорок... Может быть – час. Или полтора.

– Ты меня с ума сведешь! Сорок минут и полтора часа – две большие разницы!

– Учитывая погоду, не очень большие. Видите, какие волны? Плыть по прямой невозможно, приходится постоянно лавировать.

– Хочешь сказать, что этот мужлан лавирует? Не лечи меня, я знаю, что такое «лавировать». А также – что такое ложиться в дрейф, менять галсы путем оверштага или фордевинда и идти острым курсом!..

Она – знает, это чистая правда. Вернее, как обычно прикидывается, что знает. В одной из ее книжек фигурировал яхт-клуб, а героями, соответственно, были яхтсмены. Там

же имела место международная регата, потребовавшая от участников невероятного напряжения душевных и физических сил. И проверку на вшивость героини не прошли. Таково кредо ВПЗР: никто не в состоянии пройти проверку на вшивость. Рано или поздно все ломаются, подличают и сжирают друг друга с экзистенциально-эскаapistским гарниром. Да-а... Роман воспитания, даже самый захудалый, ей не по зубам!

– Скажи ему, пусть ускорится! – пихает меня в бок ВПЗР. – А то мы здесь окоченеем к чертовой матери!..

– Я не могу диктовать условия профессионалу...

– Этот мужлан – профессионал? Не лечи меня, я знаю, что такое «профессионал».

Она – знает, это чистая правда. Более того, она держит профессионала при себе и каждый день здоровается с ним в зеркале. Поскольку профессионал – она сама. А других профессионалов (ха-ха!) днем с огнем не сыщешь. И на эту полностью оторвавшуюся от реальности сучку эгоцентричную екатинину козу драную, которая цены себе не сложит, я имею несчастье впахивать уже пять лет!

– Пойди и скажи ему, – продолжает настаивать ВПЗР.

– Вот пойдите и сами скажите.

– Издеваешься? Знаешь ведь, что я в испанском ни в зуб ногой!

Тушить пожар, разгорающийся в недрах ВПЗР, приходится быстро и всеми имеющимися в наличии средствами:

– Наш кормчий порекомендовал не делать резких движений. Не раскачивать судно. Сидеть смирно. Поскольку постоянно идет большая волна и катер может потерять остойчивость. Хотите, чтобы мы утопи, как котята в ведерке?

– Не хочу.

– Вот и сидите. Смирно.

Ничего такого старина Фернандо не говорил, но отказать себе в возможности хоть как-то построить ВПЗР я не могу.

Она затихает минуты на три, но потом снова начинает пихать меня в бок.

– А что еще он говорил?

– Да так... Рассказывал про Талего.

– Интересно...

– Ничего интересного. Сплошная задница.

– Задница? Что значит – «задница»?

– То и значит. Ун лугар дэ пердисьон. Гиблое место, совершенно не приспособленное для зимнего релакса.

– Вообще-то я туда работать еду, а не релаксировать, в отличие от некоторых... И все это – вранье! Мы ведь уже были там, вспомни! И ты была согласна с тем, что более очаровательного уголка нам не попадалось. И выразила желание приехать снова... Поправь, если я ошибаюсь!

О господи, кривозеркальная реальность форэва! Я и словом не обмолвилась об «очаровательном уголке» и тем более не выражала желания снова в него забиться. Упреки в моем возможном релаксе на фоне каторжного труда ВПЗР тоже

несостоятельны. Как будто не она сама затаскивает меня на Талого, гребаный остров, – не мытьем, так катаньем!..

– Вы не ошибаетесь...

– То-то!

– Вы сознательно приписываете мне вещи, которые я не говорила и не делала... А я просто пытаюсь донести до вас мысль, что зимой на Талого не совсем уютно.

– Он солгал. Намеренно ввел тебя в заблуждение. Или ты намеренно вводишь в заблуждение меня неправильным переводом его слов. Если он вообще что-то говорил.

– А вы пойдите и проверьте. Спросите, он ответит.

Некоторое время ВПЗР молчит, раздувая ноздри. Одно из двух: либо скандал начнет набирать обороты, либо...

– А как ты думаешь, Ти, кто круче – Мадонна или Алла Пугачева?

Так и есть, ВПЗР выбрала второй вариант развития событий: если она по каким-то причинам не может добиться цели, то тут же теряет к ней интерес и объявляет несуществующей. И переключается на всякую бредятину. Сравнительные характеристики бог знает кого (чего) бог знает с кем (чем) – из числа этой бредятины.

– Вы меня об этом уже сто раз спрашивали.

– Да? И что ты обычно отвечала?

– Отвечала, что они разные и сравнивать их нельзя.

– А я вот считаю, что Мадонна круче.

Примечание: ВПЗР терпеть не может Мадонну. Но Пу-

гачеву она не может терпеть еще больше.

Оставшуюся часть пути ВПЗР пытается всучить мне правый наушник, чтобы я сполна разделила с ней радость прослушивания неких Джонси и Алекса, гонящих заунывный минималистский эмбиент. Альбом претенциозно называется «Riceboy Sleeps» («рисебой слипс» – произносит ВПЗР, большой спец в английском, хи-хи-хи). Счастья Джонси с Алексом не прибавляют, напротив – вгоняют в еще больший депресс. Несомненные плюсы Джонси – Алекса: это все-таки похоже на музыку. Которую можно воспринимать без необратимых изменений в коре головного мозга. В отличие от целой кучи авангардно-электронных японцев, – хреновы узкоглазые экспериментаторы разрушают ДНК психически здорового человека в один заход. За это их и любит ВПЗР.

Или делает вид, что любит.

– Ну как тебе музон?

– Не могу сказать, что в восторге...

– Примерно так я вижу самое начало моей новой книги. Ее настроение...

– Соболезную. А как же Чамбао? Вы вроде бы хотели, чтобы именно она была вашим проводником по книге.

– Хотела, да передумала. Она слишком попсовая. Ни капли психоделики. Голос хороший, это правда, но концепция... Концепция меня не устраивает.

– Не понимаю... При чем здесь какая-то концепция? Кон-

цепция хороша для романа... Неужели нельзя просто ловить кайф от хороших песен? Ваши теоретические выкладки способны убить все живое. А она – живая. И очень классная.

– Ты все-таки примитивная деваха, Ти!

– Не всем же быть интеллектуалами, как вы. Вы бы первая этого не потерпели.

– Лениость ума и косность души тебя погубят! Как и всех в нашей несчастной стране. Лениость, косность и быдлячество.

Все ясно. Если это и есть возможное музыкальное сопровождение, ничего экстраординарного от новой книги ВПЗР ждать не приходится. Ни одной теплой ноты, сплошное человеконенавистничество, сплошной solitude главных героев. И loneliness – второстепенных.

А так иногда хочется хеппи-энда...

Прибытие на Талого хеппи-эндом не назовешь.

Если само путешествие продлилось около двух часов, то швартовались мы не меньше получаса: из-за сильных волн и шквального ветра. Старина Фернандо-Рамон, должно быть, сто раз проклял русских гуап, втавивших его в такую низкооплачиваемую и опасную для жизни авантюру. Во всяком случае, попрощался он с нами довольно сдержанно, а на протянутые сто евро даже не взглянул. Просто сунул купюру в карман куртки. И только тогда мне пришла в голову мысль, которая должна была прийти намного раньше – до того, как ВПЗР промыла мне мозги «Riceboy Sleeps»: как нам отсюда выбираться?

– Послушайте, Фернандо-Рамон... Если мы решим уехать отсюда... в ближайшее время... Можем ли мы рассчитывать на вас?

– Ну, не знаю, – тут же заковеврижился старина Фернандо. – Вряд ли мне захочется появиться здесь... в ближайшее время.

– А на острове кто-нибудь сможет нам помочь?

– Пспрашивайте...

– А какие-нибудь регулярные рейсы на Талего есть? Завозят же сюда продукты и все такое.

– Пспрашивайте...

– Тогда... Вас не затруднит передать этому парню, Сабасу... чтобы он с нами связался?

– Передать, конечно, несложно. Только не знаю, когда его увижу. Что, если он вообще переселился в Бенидорм? Или в Картахену? Сабас – он такой. Сегодня здесь, а завтра – ищи-свищи. Я и сам не отличался постоянством в его годы...

– Значит, наша проблема не разрешима в принципе?

– Неразрешимых проблем нет, красавица моя. Но есть проблемы, решение которых требует больших усилий. И соответствующих вложений.

Вот и началось выкручивание рук! Почему, почему я всегда забываю, что там, где вход бесплатный, – выход сто рублей? Отдавать сто рублей ох как не хочется. Но в критической ситуации выложишь и двести. И пятьсот.

– Сколько? – тяжело вздохнув, спросила я.

– Три сотни. Из уважения к вашей подруге. Писательнице.

Опять триста! Очевидно, это число для старины Фернандо сакрально. Он с самого начала хотел получить именно триста. И таки получит их – наверняка. Если я не придумаю другой способ бегства с Талего. Посредством воздушного шара, аэростата или крылатой ракеты. На местных энтузиастов надежда слабая: у пристани не видно ни одной лодки. Наверняка все они вытащены на берег: чтобы волна и каменные причальные стенки не раскрошили их в щепы.

– Хорошо. Пусть будет триста.

– Мой телефон есть у Анхеля-Эусебио. Надумаете выбираться отсюда – звоните.

– Я тоже оставлю вам номер мобильного...

– И заморачиваться не стоит! Сигнала здесь все равно нет. Это же Талего.

В устах старины Фернандо последняя фраза прозвучала как «Это же ад, обратите внимание!». Как будто наличие ада все объясняет.

– Тогда каким образом я с вами свяжусь?

– У Анхеля-Эусебио в лавке – стационарный аппарат. И у старухи Майтэ вроде бы тоже. Ну, счастливо вам оставаться!

– Да уж... Счастливо...

ВПЗР ждала меня на берегу, и особенного счастья на ее лице написано не было. Во-первых, она едва не свалилась в воду при высадке и к тому же утопила пакет с дорожной мелочью. Самая меньшая из потерь! Хуже было бы, если бы

она погубила сумку с аппаратурой: видеокамерой и двумя фотоаппаратами (один из них – профессиональный «Nikon» с дорогушим съемным объективом). Но такие вещи в руки ВПЗР я уже давно не даю: руки у нее дырявые. Вот и приходится таскать все на себе – и это без учета собственного ноутбука и собственного чемодана!..

– Я уронила пакет, – мрачно заявила ВПЗР.

– Да, я видела. Бог с ним. Идемте поскорее, а то нас сдует в море.

– Не «бог с ним», а нужно доставать.

– Как вы себе это представляете? Я должна прыгнуть в воду за вашим чертовым пакетом? Или пригласим бригаду водолазов? Или батискаф подгоним?

– Без пакета я никуда не пойду.

– Там было что-то ценное?

Вопрос не предполагает утвердительного ответа: все ценное, включая паспорта и кредитки, на время перелетов и переездов перекачивает ко мне – опять же по причине безалаберности и несобранности ВПЗР.

– Было.

– Что?!

– Мой ПиСиПи.

Писипюк с дебильной игрой «7 чудес света» канул в бездну! Что ж, туда ему и дорога!

– Послушайте... Даже если я сейчас нырну за ним и даже если я его достану...

– Я запомнила место... Я покажу, – оживилась ВПЗР, не допускающая и мысли, что я не нырну и не достану: по-другому и быть не может, желание королевы – закон!

– ...работать он все равно не будет. Это же ясно! Вспомните, как вы уронили в унитаз свой старый телефон! Работал он после этого или нет?

– Нет, – вынуждена была признать ВПЗР.

– Вот видите. А ПиСиПи – такая же электроника. Забудьте о нем. Купим новый.

– Где? Здесь, на Талего?

– Не думаю, что здесь. Но где-нибудь, да купим. В более цивилизованном месте. Идемте...

Почему Талего, гребаный остров, до сих пор не используют как площадку для съемок футуристических ужастиков? Именно так будет выглядеть мир после Апокалипсиса – ничего и декорировать не надо!..

То, что открывается взгляду с пристани:

каменистая пустынная дорога, ведущая к домам;

одинокий катер размером с крейсерскую яхту. Катер на полкорпуса забросан камнями;

одинокая туша собора;

одинокие высохшие пальмы, из-за ветра их стволы гнутся едва ли не до земли;

одинокое приземистое здание справа от домов – филиал валенсийского океанариума, летом оно смотрелось веселее; силуэт маяка «Cara al mar» – где-то у линии горизонта;

перевернутые кверху днищами лодки – их не меньше двух десятков;

врытый в землю щит с надписями на четырех языках:

BIENVENIDOS!

WELCOME!

BIENVENUE!

WILLKOMMEN!

«Добро пожаловать!» – как же!.. В постапокалиптическом контексте Талего это смотрится откровенным издевательством. С другой стороны, крылатую литературно-кинематографическую фразу «Добро пожаловать в ад!» еще никто не отменял. И немудреная песенка «Холодный день в аду» уже давно стала поп-классикой.

Наверное, таким он и должен быть – холодный день в аду.

Хотя ВПЗР всем своим видом пытается доказать обратное: это всего лишь холодный день в раю, Ти. Завтра будет теплее!

Получается неубедительно.

И насчет завтрашнего тепла – тоже неубедительно. Возможно, кто-нибудь из местных объяснит мне, почему на Талего такой колотун. В материковой Санта-Поле было никак не меньше шестнадцати градусов, обычная для средиземноморского побережья температура, даром что январь на дворе. А здесь... Меня не покидает ощущение, что воздух едва

прогрет. Как будто и не уезжали из Питера: ветер, холод и сырость, пронизывающая до костей.

– Ну, вы по-прежнему счастливы? – спросила я у ВПЗР, на секунду тормознувшей у щита с *bienvenidos*.

– И даже больше, чем раньше. Но меня мучает один вопрос...

– Какой?

– Почему здесь нет приветствия на русском?

– А почему здесь должно быть приветствие на русском?

– Потому что русских в Испании полно. Могли бы и написать, проявить уважение к великой стране, корона с головы не упала бы...

Я слишком долго нахожусь рядом с ВПЗР и прекрасно понимаю, откуда растут ноги у ее мелкотравчатого недовольства каким-то дурацким плакатом. Клоном таких же плакатов, что сотнями понатыканы по всему побережью. Раньше она даже не замечала их, а теперь...

Теперь ВПЗР недовольна глобально, хотя и пытается это скрыть. На Талего, гребаном острове, все оказалось совсем не так, как она ожидала. Ни тебе ясной погоды, ни тебе легкого умиротворяющего бриза. Вот она и ищет крайнего, чтобы излить накопившуюся желчь. Сейчас это – плакат, а спустя пять минут могу оказаться я. Гнев на саму себя ВПЗР не обращает никогда, бережет собственные нервишки, портя при этом нервишки окружающим, – видимо, это и есть одно из условий зачисления в когорту избранных. Необходимое и

достаточное.

– Да-а... Лучше бы нам было махнуть на Таити!

– Лучше будет, если ты займешься нашим обустройством, Ти. Что-то я не вижу здесь людей.

– Значит, сбылась ваша мечта. Поздравляю. И потом... Вы что думали, они будут встречать вас с караваем и в кошниках?

– В матадорских шапках, – огрызнулась ВПЗР. – Ты говорила, что этот твой хлыщ... Не помню, как его зовут... Предупредил аборигенов о нашем приезде.

– Предупредил. Но это не означает, что они всем скопом выбегут за околицу и постелят вам красную ковровую дорожку.

– Конечно! Я же – не баба, которая написала «Гарри Поттера».

– Не думаю, что они слышали про Гарри Поттера. Если этот факт вас утешит.

Этот факт и вправду утешил ВПЗР. Но ненадолго. Минуты эдак на полторы. А потом она начала ныть, что у нее очень тяжелый баул с вещами, а от сумки с ноутбуком отваливается плечо. И что я, «хитросделанная овца», спецом уговорила ее не брать в путешествие чемодан с колесами. А сама вот взяла, и качу его теперь, и горя не знаю. А потом ВПЗР и вообще остановилась где-то на половине пути к домам и заявила, что сил двигаться дальше у нее нет. И чтобы я отправлялась вперед и приволокла кого-нибудь из мужчин – донести «эту

неподъемную херацию».

– Вы же сами отказались от чемодана! – прикрикнула я на ВПЗР. – Сказали, что он выглядит неэлегантно!

– Вот подохну здесь с диагнозом «межпозвоночная грыжа», что будешь делать?

«Перекрещусь», – хотелось сказать мне, но во избежание эскалации конфликта я благоразумно промолчала.

И вообще – что там может быть тяжелого, в вэпэзээрровском бауле? Белье, несколько всепогодных вечных свитеров, несколько пар джинсов, носки, пара футболок, пара рубашек, дорожный несессер с косметико-гигиенической мелочовкой, выносной жесткий диск к ноутбуку – с записанными на них музыкой и фильмами (она еще и киноманка!). Легкие замшевые ботинки (тяжелые кожаные сейчас на ней). Старинная лупа с рукоятью из слоновой кости – подарок Ка-тушкина на пятнадцатую годовщину судьбоносной встречи с «SEXY NAUGHTY BITCHY». Эту лупу ВПЗР всюду таскает за собой. Как и туалетную воду «Strictly Private» от Балдассарини, бергамот, базилик, можжевельник, еще какая-то срань, а также ваниль и крем-брюле. Запах успеха и процветания, утверждают хитрованы-производители, и всего того, что сопутствует преуспевающим молодым мужчинам. ВПЗР – женщина и к тому же – не первой молодости, но регулярно поливает себя «Strictly Private», утверждая, что это якобы унисекс.

Да, лупа и туалетная вода венчают список тяжестей.

Вроде бы все.

С чего тут образоваться межпозвоночной грыже – непонятно.

– Осталось метров триста, по моему разумению. Как-нибудь сами доберемся.

Мы двинулись с места только тогда, когда обменялись багажом: я взяла баул, а ВПЗР ухватила за мой чемодан.

«Дом с чайной розой на окне» отыскался сразу же: он был третьим по счету, как и сказал Игнасио. С белым фасадом и голубыми ставнями. На двери висел почтовый ящик: когда-то богато декорированный, но теперь потерявший большую часть своей привлекательности. Краска местами облупилась (влияние влажности, соли и ветров, не иначе!), некоторые детали исчезли без следа.

Интересно, зачем дому на таком маленьком острове почтовый ящик и кто опускает сюда письма и счета?

Пока я доставала ключи и вставляла их в замочную скважину, ВПЗР с интересом разглядывала медную руку – отличную, должно быть, в те времена, когда еще не существовало электрических звонков. Вещица была забавной сама по себе, где-то даже эксклюзивной, – и это автоматически переводило ее в группу риска.

О-о, я знаю этот взгляд ВПЗР! Остановившийся, остекленевший, гипнотизирующий. Таким взглядом она смотрит на вещи, которыми хочет обладать. Владеть безраздельно – ныне, присно и во веки веков. Обычно этот взгляд предшеству-

ет противоправному деянию (если вещь не продается или стоит слишком уж дорого).

– Даже не думайте, – сказала я и повернула ключ в замке.

– Как будто эту штуковину не могли украсть до нас, – парировала ВПЗР. – Кто угодно мог ее снять.

– Чтобы снять эту штуковину, придется сначала снять дверь. Во всяком случае, основательно ее раскурочить. Прибегнув к помощи столярного инструмента. Или слесарного.

– А без них никак?

– Никак.

– Наверняка у хозяина найдется что-нибудь подходящее...

– Господи, вы взрослый человек! Должны же существовать какие-то критерии. Какие-то рамки... Понятия о добре и зле – хотя бы приблизительные...

– Ты ведь знаешь, я много лет живу за гранью добра и зла. Так что этих понятий для меня не существует.

– В том-то и печаль, – вздохнула я, толкнув дверь. – Прощу!..

Первые же минуты пребывания в доме утвердили меня в мысли: Игнасио Фариас – душка, даром что мадридский адвокат. Внимательный и отзывчивый человек. Очень обязательный. Пообещал, что дом будет подготовлен к нашему приезду, так оно и оказалось!

Со светом, водой и кондиционером, перепрограммированным на обогрев помещений, не возникло никаких про-

блем. Чайник, тостер и кофеварка тоже были на месте. На маленькой кухне имелись также посудомоечная и стиральная машины, а в навесных ящиках нашлись рис, чечевица, две пачки спагетти, упаковка с колумбийским кофе, галеты, ваза с карамельками и жестяная коробка с леденцами.

ВПЗР тотчас же упорхнула в ванную, а я, прихватив пару окаменевших галет, отправилась на экскурсию по дому.

В его планировке не было ничего затейливого: кухня, довольно большой салон с камином и санузел с душем на первом этаже. Две спальни и ванная – на втором.

Очевидно, Игнасио перестраивал жилище под себя: зеркально повторяющие друг друга спальни все же были неодинаковы. В той, чье окно выходило на улицу, я обнаружила старый комод, старый резной шкаф и деревянную кровать с католическим распятием над изголовьем. Расстояние между шкафом и кроватью было невелико: как раз для бюро – такого же старого, как и вся остальная мебель. К бюро был вплотную придвинут стул.

Спальня напротив выдержана в стиле хай-тек. Вернее, «дурно понятый хай-тек», как любит выражаться ВПЗР. Современная мебель с яркими пластиковыми вставками, встроенный зеркальный шкаф, несколько постеров на стенах: с Пенелопой Крус, открыточным видом Манхэттена и афишей шоу цирка дю Солей «Alegria». К цирку дю Солей ВПЗР (не видевшая в глаза ни одного представления) почему-то питает самые нежные чувства, а к Манхэттену от-

носится нейтрально. Не повезло только Пенелопе Крус – ее ВПЗР не слишком жалуется. Как, впрочем, и целый вагон других актрис, продавшихся монструозному Голливуду за нехилый гонорар. И к тому же (за сходный гонорар) снимающихся в рекламе «чего угодно-только-денежки-плати», а это уже – откровенное бесстыдство! Anti-age профанация, залепуха для увядающей кожи. Как две эти женщины будут существовать в одном пространстве – неясно. Ясно только, что ВПЗР облюбовала для себя именно хай-тек спальню – ее баул, наполовину выпотрошенный, стоит у кровати. Выбор обусловлен не цирком дю Солей, а окном во всю стену.

Несмотря на быстро наступающие сумерки, за окном еще просматривалась терраса. Да и без нее вид со второго этажа был просто великолепным: сплошное море. Мечта рантье всех мастей и простаков, насмотревшихся историй made in монструозный Голливуд. Раздвинув створки, я вышла на террасу, – и к морю тотчас прибавился ветер и некоторые, до сих пор скрытые детали пейзажа: одинокое дерево, пристань, дорога, часть каменистого пляжа, почивший в бозе филиал океанариума и маяк на самой оконечности Талого – его темный силуэт врезался в небо.

Прямо под террасой находилось некое подобие садика. Попасть в него можно было из салона, но имеет ли смысл попадать? Ничего там нет, кроме большого горшка с кактусом, пары непрезентабельных садовых скульптур и того самого одинокого дерева. Надо бы поинтересоваться у абори-

генов, как оно называется. Я видела такие деревья на побережье: они похожи на ели, но совсем не пушистые, и ветки достаточно далеко отстоят друг от друга, поднимаясь вверх под одинаковым углом. И еще больше, чем на ели, они похожи на ритуальный подсвечник менору.

– Вот ты где! – раздался голос ВПЗР за моей спиной. – Здорово, да? Красотища несусветная...

– Вы про вид? Вид – ничего себе...

– Ты не возражаешь, если я займу эту спальню?

– Вы ведь ее уже заняли. А где собираетесь работать?

– Еще не решила... Ты осмотрела дом? Есть подходящее место для кабинета?

– Разве что салон...

– А море оттуда видно?

– Наверняка... видна какая-то часть.

– Ладно, с кабинетом мы разберемся завтра. А сейчас ты должна сделать две вещи. Во-первых, снять со стены эту девушку. Она меня раздражает...

Так и есть, бедняжку Пенелопу изгоняют из временного вэпэзээровского рая, не дав даже возможности оправдаться за сожранную в полной несознанке емкость с шампунем. Не дав покаяться в грехах, густо вымазанных краской для волос. В жизни, в отличие от собственных книг, ВПЗР довольно предсказуема. Как и любое этническое божество, так и норовящее сунуть простому смертному шкворень в задницу.

– ...Вешала ее не я, так что и снимать не мне. Переходим

ко второму пункту программы.

– Второе: не мешало бы поужинать. Предлагаю тебе сходить и заказать столик в кафе.

– Думаете, там не протолкнуться? Все столики зарезервированы в связи с выступлением на местной сцене цирка дю Солей?

– Да, это хорошая фраза, – секунду подумав, сказала ВПЗР. – Я, пожалуй, ее ангажирую...

– Не забудьте указать авторство.

Забудет. Забудет намеренно, если вообще когда-нибудь воспользуется. А если воспользуется – то переиначит до неузнаваемости и всунет совершенно в другой контекст – без цирка, но с Пекинской оперой, русским балетом, бродвейским мюзиклом и стендап-шоу, где у микрофона корячится еще не забронзовевший Вуди Аллен.

Все эти домыслы оттого, что я никак не могу вникнуть в особенности устройства головы своей работодательницы. С анатомией, в общем, все понятно: голова у ВПЗР самой обычной формы, но при этом имеются две макушки, как у самых настоящих баловней судьбы. Пока, правда, их волшебные свойства не проявились, проявились не в полной мере, но ждем: с минуты на минуту, со дня на день, с года на год.

Внутри ее черепной коробки все сложнее. Иногда мне кажется, что там арендует помещение химическая лаборатория. Этажом ниже расположились подпольный цех по произ-

водству колбасы пиратских DVD, ломбард, фабрика по пошиву одежды (все рабочие там – индонезийцы, а не хламоделы-китайцы, как некоторым может показаться).

Индонезийцы борются за качество.

Конечно, им иногда не хватает фантазии сочинить революционный фасон; авангард – не их стезя, но с лекалами известных фирм они управляются виртуозно. И даже могут привнести какую-то деталь лично от себя: фрагмент национального орнамента, пуговицы нестандартной формы, вышивку на воротнике. Химическую лабораторию тоже не стоит сбрасывать со счетов: она отвечает за расцветки тканей. Персонал лаборатории (сплошь выходцы из Западной Европы) намного более продвинут совсем без башни. В свободное от тканей время он экспериментирует с синтетическими наркотиками, смотрит пиратские DVD и наведывается в ломбард в поисках какого-нибудь артефакта. Фильмы и артефакты реанимируют давно затертые истины и старые идеи, синтетические наркотики делают их новыми, – и в конечном итоге вся эта ерзаная доморощенная метафизика самым благоприятным образом сказывается на поисках невиданных ранее оттенков цвета.

Затем в дело вступают дотошные индонезийцы – и пошло-поехало! – конечный продукт очень даже удобоварим.

В нем можно показаться где угодно, он соответствует любому из существующих дресс-кодов, словом – покупай вещь и носи на здоровье, никто и пальцем не посмеет в тебя

ткнуть. Наоборот, все найдут твой прикид почти что эксклюзивным. И лишь некоторые (не менее продвинутые, чем эл-эсдэшники из химлаборатории) особи в состоянии заметить: а шмотка-то перелицованная! Но дальше лстящей самолюбия констатации факта дело не пойдет: не станешь же выворачивать вещь наизнанку в поисках фальшивого, наспех присобаченного лейбла.

~~Я не хочу сказать, что в потоке сознания, который так культивирует в своих книгах ВПЗР, можно обнаружить водовороты и тихие омуты написанного до нее~~

~~Именно это я и хочу сказать: ее тексты всегда кого-то напоминают. Кого-то, что то... Больше всего — хорошо сделанный перевод с какого-нибудь европейского языка. Да! — это похоже на переводную литературу, поскольку местная реальность, начиная от имен и заканчивая ситуациями, ее не интересует. Она сама признавалась, что в юности никогда не могла назвать героя русским именем — так оно и застревало в гортани, как кость, ни туда ни сюда~~

Вот черт, я совсем запуталась в определениях, в классификациях, лучше не пытаться! ВПЗР, безусловно, высказалась бы о себе намного четче. Хотя четче — не значит правдивее.

Она — не плагиатор, это и есть правда. Просто оказывается не в то время и не в том месте. Вернее, именно в тех местах, где уже побывали другие... Или в тех местах, где еще не побывал никто. Этот вариант — самый предпочтительный, но и

самый провальный, уфф-ф, подумаю об этом позже.

После ужина, на сытый желудок.

Интересно, зачем я написала это? Ведь я уже знаю, что никакого ужина не было! Не иначе как для придания своим дневниковым записям статуса... Статуса чего? Не литературного же произведения, в самом деле! Кропать нетленки – удел ВПЗР. Романы, повести и прочую лабуду, в которой необходима интрига. А частным записям, которые никто никогда не увидит, интрига вроде бы ни к чему... Да и в том, что кафе оказалось закрытым, тоже нет никакой интриги.

Не сезон.

Не сезон, и это все объясняет.

Зимние люди на малонаселенном острове – совсем не то, что летние люди. Они принадлежат сами себе и делают что хотят. Захотели – открыли точку общепита, захотели – закрыли.

Но жрать от этого хочется не меньше.

Вот и пришлось нам давиться хозяйским кофе с хозяйскими галетами, к тому же у ВПЗР разболелся зуб. Его удалось успокоить только через полчаса, призвав на помощь тяжелую артиллерию из дорожной аптечки (ее я тоже таскаю с собой – на случай, если у ВПЗР что-нибудь заболит). Такое случается редко, ВПЗР позиционирует себя как человека без внутренних органов и даже не со всеми, положенными по анатомическому атласу, выходными отверстиями. И пьет она исключительно обезболивающие таблетки, мгновенный

эффект – это то, что нужно, выжрал и забыл навсегда. Болеть ВПЗР ненавидит, но еще больше ненавидит, когда болеют другие, – ничего, кроме ярости и проклятий на голову не ко времени захворавшего, это у нее не вызывает. Иногда, в минуты склок, я пугаю ее: быть вам сиделкой в следующей жизни! Ухаживать за лежачими больными!

Никогда!

– Никогда!!! – вопиет ВПЗР, тряся подбородком. – Лучше – саламандрой! Секвойей в девственном калифорнийском лесу! Куском антрацита!.. Не-ет, самым большим алмазом в алмазной трубке!

«Самым большим алмазом» – и в этом вся ВПЗР. Она согласна перевоплотиться в неодушевленный предмет, но лишь в случае, если этот предмет представляет определенную ценность. А перспектива стать бросовой вещью – совсем не для нее.

И галеты неизвестно какого года выпуска – тоже не для нее. Все это, совсем в непарламентских выражениях, я и выслушала от ВПЗР.

– Что значит «закрыто», Ти?

– То и значит. Двери на замке, дежурное освещение и никаких признаков жизни.

– А ты стучала?

– Еще бы.

– По своему обыкновению деликатно? Слабосильное «тук-тук-тук»?

– Нет. Громогласное «трах-бах-бах», в ритме сарабанды.
Чуть стекло не вынесла.

– И?

– Никакого ответа.

– А нельзя ли было зайти с подветренной стороны?

– В смысле?

– Есть же в этом кафе черный ход! И потом, включи логику! В таких маленьких агломерациях где работают, там и живут. Наверняка аборигены окопались где-то поблизости. Ты не догадалась ломануться в соседнюю с кафе дверь?

«Агломерация», надо же!

Примечание: В своих текстах ВПЗР подобной зауми не употребляет. Предпочитает животный магнетизм самых простых выражений, многоточия, междометия... спонтанность и непричесанность понятий «здесь и сейчас»... Как будто слово только родилось, выпорхнуло из-под ее пальцев... вернее, вылезло вперед головой, все в слизи, с пуповиной, обмотанной вокруг шеи... Да и ладно, главное, что вылезло, и за его дальнейшую судьбу ВПЗР никакой ответственности не несет.

Примечание к примечанию: Надо бы поживей избавляться от потуг на монографию! Пусть это делают другие, более компетентные люди. Более искушенные. Да и кому будет интересна монография про ВПЗР? Чай, не Трумэн Капоте...

Насчет «ломануться в соседнюю дверь» я, конечно, догадалась. И ломанулась, будь она неладна! Но никто мне не открыл, хотя сквозь щели в жалюзи был виден свет. Неужели здесь так рано ложатся? Или по телевизору просто транслируется футбольный матч «Барса» – «Валенсия», и никто не хочет отвлекаться. В любом случае завтра... уже сегодня ситуация прояснится. И мы все-таки позавтракаем, если поужинать не удалось.

На сегодня все.

Спокойной ночи и удачи!»

«12 января.

ЗДЕСЬ НИКОГО НЕТ!!!

Это странно-чертовски неприятно неправильно. И как-то нехорошо начинает сосать под ложечкой. Даже если большинство аборигенов уехало зимовать на материк – кто-то ведь должен был остаться? Помнится, старина Фернандо упоминал пятерых: владелицу кафе – старуху по имени Майтэ, сын которой зимует в Мадриде. Лавочника с романтическим именем Анхель-Эусебио и его подручного Маноло. А также Курро и Кико – бывшего актера и его брата, у которого не все в порядке с головой.

И вот, пожалуйста, все пятеро как под землю провалились!

Похоже, это известие не расстроило ВПЗР, но нельзя сказать, что и слишком обрадовало.

Она осталась нейтральной. И выразилась в том духе, что аборигены – все скопом – отправились куда-нибудь на побережье: в Санта-Полу, Гвардамар или Торревьеху, или как там еще называются здешние провинциальные дыры?

Бенидорм и Картахена, там живут подружки негодяя Сабаса, возможно – сам Сабас, но к делу это не относится.

– И зачем они туда отправились? – спросила я у ВПЗР.

У нее и на это был готов ответ:

– Праздновать какой-нибудь праздник. В Испании полно праздников, ведь так? Примерно столько, сколько в России, даже еще больше. И как в этом вечном карнавале они умудряются поддерживать благосостояние страны – уму непостижимо!

ВПЗР пребывает в святой уверенности, что испанцы с их безразмерной сиестой и традиционным «маньяна»¹⁶ самые большие ленивцы на свете после недавно слезших с пальм жителей тропических островов. И жителей амазонской сельвы – они лишь в прошлом году получили статус прямоходящих. Переубедить ВПЗР в этом трагическом заблуждении – невозможно. Она вообще очень трепетно относится к своим заблуждениям, культивирует их и пестует, как малых детей.

Сама ВПЗР называет это «иным взглядом на мир». А кто не хочет – пусть не смотрит и остается в дураках.

Вроде бы все мыслимые торжества прошли – насколько я успела изучить испанский календарь. Рождество было три

¹⁶ Завтра (*исп.*).

недели назад, популярный в народе праздник Трех Королей (когда по улицам шествуют процессии волхвов и примкнувших к ним мультперсонажей студии «Дисней» и повсеместно раздаются конфеты) – неделю или около того.

Возможно, все уехали праздновать и ловить в полете конфетки счастья. Возможно. Но почему до сих пор никто не вернулся?

И дом Игнасио...

Я приняла бы версию с отъездом небольшой группы людей на побережье, если бы не дом Игнасио, куда мы вчера заселились.

Он был подготовлен. Обогрет кондиционером. Судя по тому, что в доме еще сохранялось тепло, кондиционер включали недавно, за несколько часов до нашего прибытия. Кто-то, охарактеризованный Игнасио и стариной Фернандо, как «жестокосердный», позаботился о прибытии посторонних людей. Но даже если бы все обстояло иначе – есть другой дом.

Рядом с кафе, в дверь которого я напрасно ломилась вчера вечером.

В ТОМ ДОМЕ ГОРЕЛ СВЕТ!

Я помню точно, я же не сумасшедшая, – и это обстоятельство никакой логике не поддается, кое-что нужно проверить...

СВЕТ ГОРИТ И СЕЙЧАС!!!

Специально вышла и посмотрела – благо идти минуту, не

больше. Свет по-прежнему горит, несмотря на то что за дверью не слышно ни звука. Сколько бы я ни стучала (а стучала я довольно долго) – ответом мне была тишина.

ВПЗР потребовала разжечь камин. А насчет света в доме (предполагаю, что дом принадлежит старухе Майтэ и ее сыну) сказала лишь, что мои «досужие овечьи домыслы яйца выеденного не стоят, и идиоты-испанцы просто забыли выключить свет. Они все здесь не в себе, а не один какой-то Кико, или как там еще зовут этого придурка?»

Испанцы, может, и идиоты (спорить с ВПЗР бесполезно, сам окажешься – и испанцем, и идиотом). Но при этом никто, уезжая, не оставит свет включенным, он здесь стоит дорого. А если и забудет – вернется с полпути, чтобы потушить! Так что теория ВПЗР, как и любые ее теории, касающиеся повседневной жизни, несостоятельна.

К тому же сегодня утром она влезла в чертово кафе!

Об этом – в порядке хронологии, не отвлекаясь на лирические отступления. Лирические отступления нужны меньше всего – особенно в момент, когда у тебя неприятно сосет под ложечкой!..

Итак: Все началось

Спала отлично (сказались-таки перелеты-переезды!), без всяких сновидений – и проснулась поздно. В редких случаях такого вот просыпания всего на свете меня обычно будит ВПЗР: колотится в дверь моей комнаты как ненормальная, требует китайской чайной церемонии и прочих, не связан-

ных с церемонией, английских завтраков. Потому что она, видите ли, «с рассвета на галерах». А я, «блудливая овца, где-то шлялась полночи» – и далее по раз и навсегда накатанному шаблону о моем беспутстве за ее «кровные денежки, а ты, между прочим, мне не дочь и даже не младшая сестра!!».

Конечно, я ведь сестра Джека-потрошителя. Двоюродная, по материнской линии.

Этим утром (первым на Талего, гребаном острове) за дверью было тихо. Никто не дергал ручку и не проклинал меня последними словами. Что было довольно странно, ведь ВПЗР не садится за работу, не посклочничав для профилактики. Отнеся странности к смене обстановки, я спокойно приняла душ, привела себя в порядок и спустилась вниз, в салон.

ВПЗР не обнаружилась и там.

Я нашла ее через десять минут, в кафе. Вчера оно было просто закрыто, а сегодня – закрыто, но не полностью, если можно так выразиться. Или – не полностью открыто. Никаких предупреждающих табличек «Cerrado! – Abierto!»¹⁷, никаких часов работы. Одна лишь вывеска с названием, над которым никто особенно не заморачивался: «*TALEGO*».

Как и вечером, высокие окна кафе были зашторены кусками плотной льняной ткани, но дверь оказалась приоткрытой. И из-за нее звучала музыка. Что-то очень знакомое – кажется, Фрэнк Синатра.

¹⁷ Закрыто! – Открыто! (исп.)

В свой первый приезд на Талего мы даже не заходили внутрь, ограничившись посиделками на импровизированной летней террасе (несколько столиков под полотняным навесом). И в общем ничего не потеряли. Почти... Потому что кроме двух стандартных автоматов с сигаретами, напитками и сладостями, был еще один, ни на что не похожий, – музыкальный. Самый настоящий американский jukebox времен тотального помешательства на кадиллаках, рок-н-ролле, певце Рое Орбисоне и актере Джеймсе Дине.

Он занимал центральное место в полусумрачном и довольно большом помещении. Мимо такого не пройдешь, не разинув варежку, – учитывая совершенно феерическую подсветку и большое количество старомодного винила в чреве. Из этого самого чрева и вещал Фрэнк Синатра, а легкое поскрипывание винилового песка сразу же подняло мне настроение. Обожаю ретростиль и обожаю островки давно прошедшего времени, куда можно хоть ненадолго сбежать от реальности – хоть на кадиллаке, хоть на чем.

А вот от ВПЗР – не сбежишь!

Она настигла меня и тут. Вернее, это я настигла ее, стоило перевести взгляд с jukebox'a на зал. ВПЗР сидела за самым дальним столиком и курила самокрутку.

Примечание: Иногда (в пафосных местах и просто в местах большого скопления народа) ВПЗР изменяет своим волюющим дешевым сигаретам с самокрутками. Самокрутки – вещь запоминающаяся, процесс их свертывания – почти са-

кральный, и вообще... Они нетривиальные, следовательно, и человек, курящий их, нетривиален. Таким вот кретиническим способом ВПЗР повышает собственную самооценку и хочет понравиться людям, которых (по определению) ненавидит – всех вместе и каждого по отдельности. Ну не дешевка ли?

– Привет! – сказала ВПЗР. – Долго спишь.

– Вы уже сделали заказ?

– Сейчас сделаю. И заказ придется принимать тебе. Потому что здесь ни души.

– Как это?

– А вот так. Есть только ты, я и Синатра. И больше никого. Ты ведь умеешь обращаться с кофемашиной? Потому что лично я – пас.

Я умею обращаться с кофемашиной: до ВПЗР у меня была другая жизнь, и в ней я как раз и работала баристой в кофейне. Собственно, в этой самой кофейне на улице Моховой (она называлась «Elephant») мы с ВПЗР и познакомились... Но об этом – как-нибудь в другой раз.

– Даже если я умею – что с того?.. Куда подевались хозяева?

– Ты у меня спрашиваешь или у себя?

– У вас.

– Ответ простой: я не знаю.

– Как же вы сюда попали?

– Через заднюю дверь. Мы могли оказаться здесь и вчера, если бы ты догадалась сделать то же самое...

– Я бы никогда не сделала то же самое. Вторгаться на чужую территорию, когда вас совсем не ждут, – противозаконно.

– Противозаконно страдать от голода и отсутствия чашки крепкого кофе. Давай подсуепись, сообрази что-нибудь на завтрак.

– А если придут хозяева? Как мы объясним им подобную самодеятельность?

– Ну, если они до сих пор не пришли... И Фрэнк Синатра не сподвиг их явиться...

– Так это вы завели автомат?

– Конечно. Это было несложно. Я дождусь кофе или нет?

– Кофе мы можем выпить и у себя, никого не напрягая и не влипая в сомнительные ситуации.

– Здесь мне нравится больше. Всегда мечтала стать владелицей кафе...

– Это не ваше кафе.

– Покончим с препирательствами, Ти. Обещаю тебе уладить все проблемы с хозяевами... когда они появятся... Если появятся... Заплатим им чуть больше. Никто не останется внакладе.

– Что значит – «если появятся»?

– Это всего лишь фигура речи. Не придирайся к словам. Вид у ВПЗР чрезвычайно довольный. Как будто она полу-

чила неожиданный подарок. В кривозеркальной реальности (место обитания ВПЗР) с подарками постоянно выходит какая-нибудь лажа: ей невозможно угодить. Поздравительные открытки от издательства она презирует, потому что «в них нет ничего личного» – стандартный типографский текст со стандартными же пожеланиями. И только имя-отчество вписано от руки, «хоть на это у них хватило ума, идиоты проклятые». Однажды, правда, мелкая издательская сошка что-то там перепутала, и ВПЗР получила открытку с совершенно другим именем... Чего только я не выслушала!.. Прицепом к открыткам идут книги, и это уже – «верх наглости, квинтэссенция неприличия, как можно одному автору дарить книги другого автора? На что они намекают?!» После парочки пошлейших скандалов и проведенной мной разъяснительной беседы с издателями те стали присылать вполне нейтральные художественные альбомы. Не самые дорогие, не с золотым обрезом, не с переплетом из буйволиной кожи, не отпечатанные в Италии ограниченным тиражом в 100 экземпляров – что тоже бесит ВПЗР. В идеале ей бы хотелось, чтобы экземпляров было только три: один для президента США, один – для президента России и еще один – для нее любимой. Боже, с какой еумаенедней извращенкой я работаю, дай мне силы, боже!!!

Милые безделушки она ненавидит и называет пылесборниками. Косметика и парфюмерия в качестве подарка ее тоже не устраивает, она, видите ли, сама в состоянии купить

себе «эту дрянь». Но теперь абсолютно ясно, что бы устроило ее: абсолютно пустое кафе, куда она проникла сомнительным путем. Мелкий экстрим – все же экстрим, который при желании можно раздуть до экстрима глобальных масштабов. Разродиться приличествующим случаю текстом, где кафе предстанет не просто пустым, а исполненным тайн. Не самых приятных – кровавых. Леденящих душу. С трупами в подвале, с отрезанной головой Укокской принцессы в морозильнике. С приветами от невидимых убийц – они написаны кровью жертв на зеркалах и днищах адских сковородок. Со звуковыми письмами на виниле – они включаются сами собой, не дожидаясь своей очереди, нагло отпихнув Джоан Арматрейдинг с Рейчел Ямагатой и перебив на полуслове Фрэнка Синатру. Ах да, я еще забыла шепоты и крики! Инфернальные шепоты и крики, от которых становятся дыбом волосы на всех частях тела, а глаза самопроизвольно вылезают из орбит. Такие приемчики постоянно используют Стивен Кинг и Дин Кунц – признанные классики жанра. ВПЗР всегда мечтала написать роман ужасов, что ж, как говорится, флаг в руки и барабан на шею! Карманным Зюскиндом и карманным Мураками она уже была, пусть теперь побудет карманным Стивеном Кингом!

На барной стойке – ваза с яблоками.

Яблоки хороши собой, но при ближайшем рассмотрении оказываются искусно выполненным муляжом. На них нет ни грамма пыли, парафиновые бока блестят. Стойка тоже вы-

глядит чистой, во всяком случае, ее недавно протирали, – и вряд ли это дело рук ВПЗР.

От почти стерильной чистоты мне становится не по себе.

– Ну, ты скоро?.. Мне, пожалуйста, кофе и парочку бутербродов, – вызывает со своего места ВПЗР.

– Где я возьму бутерброды?

– Почему... Почему тебя постоянно нужно тыкать носом в очевидное? Вон там, в конце стойки, дверь. За дверью – что-то вроде кухни. На кухне стоит холодильник, и в этом холодильнике наверняка что-то есть.

«Наверняка»!.. Наверняка ВПЗР уже совала туда нос! Но даже не соизволила сообразить себе элементарный бутерброд (если уж так хочется есть). Оно конечно, не царское это дело, пусть провиантом занимаются другие. И корячатся на кухне тоже они!..

За дверью и вправду оказалось небольшое помещение с электроплитой, духовым шкафом, двумя разделочными столами, буфетом, вместительным холодильником и морозильной камерой. Необитаемым и давно покинутым помещение не выглядело, в нем пахло едой! Источник запаха обнаружился сразу, – стоило приподнять крышку кастрюли, стоящей на плите.

Супчик! Супец!

Томатная основа, на поверхности плавают несколько скрюченных креветочных телец и мелко нарубленных листьев салата. Суп годен к употреблению, он не прокис, лишь

затянулся едва заметной пленкой, – в кухне довольно прохладно. И веет холодком по ногам – из-за полуприкрытой двери. Не той, через которую я вошла, – задней. «Подветренной», как совсем недавно изволила выразиться ВПЗР, – и теперь понятно, каким образом моя фурия просочилась внутрь.

Никакого замка в дверь не врезано, имеются лишь хлипкая щеколда с такой же хлипкой цепочкой из меди. И закрыть дверь можно только изнутри. Следовательно, она с самого начала была не заперта. Следовательно, хозяйева все же где-то поблизости!.. Никто не станет уезжать далеко и надолго, не заперев дом, это и ребенку ясно. Это ясно всем, кроме ВПЗР!

Испугавшись задним числом, что меня примут за банальную воровку (или просто за невоспитанного человека, неизвестно, что хуже!), я громко покашляла. Потом постучала ладонью по выскобленному разделочному столу. Потом постучала ребром. Потом прошлась пальцами по батарее различных калибров сковородок, висевших над плитой на огромных мясницких крюках, – они синхронно закачались, стукнувшись друг о друга.

Звук получился музыкальным и довольно громким, но и он особого эффекта не произвел.

А какого эффекта я вообще жду?

Я хочу, чтобы здесь кто-то появился.

Не важно кто, пусть даже и бедолага Кико (кстати, где он

вообще живет, этот Кико, и брат его – Курро? – надо бы обследовать окрестности).

Я не ВПЗР, и отсутствие людей меня напрягает.

И лезть в холодильник мне тоже не хочется, вдруг там и вправду обнаружится голова Укокской принцессы?

Оттягивая момент встречи с внутренностями холодильника, я толкнула «подветренную» дверь и оказалась в крошечном патио, гораздо более симпатичном, чем пародия на садик при доме Игнасио Фариаса. Патио было усыпано мелким светлым гравием, и в нем оказалось полно цветов в расписных горшках. Горшки чудо, как хороши: все – ручной работы, рисунок нигде не повторяется. Кроме цветов, выглядящих довольными жизнью бодряками, имелись также:

- дерево (такая же ель, какая растет в садике Игнасио; поиски названия для нее, похоже, становятся моей самой неразрешимой проблемой на сегодняшний день);
- комплект садовой мебели в хорошем состоянии (стол и два стула с веселыми ситцевыми подушками на сиденьях);
- садовый инвентарь: грабли, две лопаты, две лейки, таз, в котором валялись секатор, несколько пар перчаток и пакет с удобрениями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.